

СМЕНА

20

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок С. Годыны

Юрий КАМЕНЕЦКИЙ

С ЛУЧОМ ЗАРИ

Гудок.
С бригадой токарей
В завод вошла заря,
Залив машины и людей
Потоком янтаря.
Весёлым вспыхнула огнём
В стахановских фланжах,
Легая алмазным остирём
В отточенных резцах.
Заря встречая, пел сигнал
Начала трудового дня.
Легко резец вошёл в металл,
Вскипела брызгами огня.
И не одна в цеху заря:
С ней блеском ярких споря,
В глазах у токарей горят
Немеркнущие зори.

Дымится стружка под резцом,
Бьёт голубой родник...

Над портчанинском-байцом
Луг золотой возник,
Холодной зекрою росы
Сперкнула в густой траве,
Метнула пламенем косым
По кремлющей аистье
И, повторяя ход резца,
Скользнула по склону стапы.
Страшны врагу в руках бойца
Токарные детали!

Дымится стружка под резцом,
Бьёт голубой родник...

Луч вспыхнул жарким багрецом
На переплётах книг,

По карты Волгою потёк —
Просторы широки! —
И алыми кружками лёг
В излучинах реки.
Задумавшись, прищуря глаз
Над планом академик.
И мыслью — в который раз! —
Вошёл на волжский берег.
А токарь видел, как рекой,
Пронизыла даля,
Несут свет жизни над страной
Токарные детали.

И видел токарь: на заре
Шёл по тропинке к школе
Внук тех, кто дрался в Октябре
За радостную долю.
Он песни пел.
И эта песнь
Лучом заря летела.
Он пел о том,
Что в жизни есть
Для всех большое дело.
Он будет токарем, врачом,
Токарные детали!

А может, агрономом...
Мальчишка в свете заревом
Шёл в жизнь, как в дом знакомый.

Дымится стружка под резцом,
Бьёт голубой родник...

Скользнула над башенным зубцом,
Луч бросил светильный блеск
На сини оконного стекла
Свой замедлена бег,
Увидев, как из-за стола
Встал с трубкой человек.

Народной думой о вожде —
И ярок и могуч —
Взлетел к рубиновой звезде
Посланник солнца — луч.

В рубин звезды войдя стрелой,
Луч, преломлённый в призме,
С пяти концов над всей землёй
Разился алою зарей —
Зарёю Коммунизма!

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

Проект мира всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 20. 1951 год.

Год
издания
28-й

Фото И. Шагина

На вахте мира. Бригадир комсомольско-молодёжной бригады токарев Московского инструментального завода Эдуард Грачев.

Фото Г. Борисова

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ

Это письмо написано видным борцом за мир Элизой Бранко, заключённой в прошлом году ревакционным правительством Бразилии в тюрьму за выступление против посылок бразильских войск в Корею.

Здесь, в моей камере, в этой тюрьме, я не перестаю думать о тысячах таких же матерей, как я.

Из тех немногих сообщений, которые мы можем доходить, я вижу, как с каждым днём возрастает угроза новой войны и усиливается зависимость бразильского правительства от американцев, которые сделали несчастными столько народов.

При мысли об этом моя сердце сжимается от боли, ибо над юношами и девушкими, над нашими сыновьями и дочерьми, которые растут в исключительно трудных условиях, нависла угроза смерти: их намереваются отправить на войну в Корею.

Мы растим наших детей не для войны. Для них мы мечтаем и стремимся во что бы то ни стало построить новый мир счастья, ра-

венства и справедливости. И поскольку эта новая жизнь уже так близка, мы не должны считаться с усилиями для достижения мира, так как мы знаем, что война разрушит эту жизнь или задержит её приближение для миллионов чловеческих существ, которые так страстно ей желают.

Мое беспокойство вызвано не отчаянием и не боязнью, что мир не будет защищён. Мир победит. Чудовище войны, которое разрушает свободу и уносит столько жизней, если даже ему удастся напасть на свободные народы, будет уничтожено. Все люди добрые воспомнят, где бы они ни находились, побьют, потому что они знают, чего хотят. Однако было бы много лучше, если бы наши усилия предотвратили бытъя стальных драгоценных жизней. Это то, о чём я всегда думаю.

Какая матерь не придёт в ужас от мысли, что руки сыновей, которых она растит, обвязывают крючью в чём не ловивших людей или храбрых патротов на далёкой корейской земле? Какая матеря-

МИРУ—МИР!

Анатолий МОШКОВСКИЙ

УЛИЦА МИРА

Поезд

на ранней заре

в Стalingрад

В новых вагонах привез пассажиров.

Вышли мы в город и видим:

Горят

Слова золотые —

Улица Мира.

Ветви акций вдоль улицы этой

Зашелестели, приветствуя нас.

Ярко ударили брызги рассвета,

В окнах домов-новостроек лучася.

Девочка, в ящике письмо опуская,

Встала на цыпочки возле стены.

И на конверте караулек стая —

«Улица Мира» —

мне буквы видны.

Много на свете улиц мы видели,

Покинув аулы и города,

Бетонщики, токари и водители,

А вот такой —

нигде, никогдай!

Ты сквозь развалины путь проложила,

Нету прямой —

И светлее пути!

Каждым камнем ты заслужила

Это величие имам нести.

Улица! В чёрном дыме и гуле

Ты превратилась под бомбами в прах,

Чтобы не тронули бомбы улиц

На всех

Пять материк!

Улица! Кровь за тебя мы пролили,
Чтоб не прорвался за Волгу враг,
Чтобы не гибли люди, а жили
На всех

Пять материк!

Улица! Мы едем на стройку,
Чтобы назвали улицы так
В Лондоне,

в Токио

и Нью-Йорке —

На всех

Пять материк!

Улица! Вся ты в лесах и балконах,
Волжский ветер и солнца блеск!
Справа
Пылают огни Волго-Дона,
Слева
Встаёт Стalingрадская ГЭС.

Улице этой хотим мы поклониться,
На тротуар опусты сундучки:
— Враг не сожжёт этих юных акций,
Нет!
И скимаются кулаки.
Мы, как на подиум,
На труд идём.
И, где бы мы была наша квартира,
Сердце, помни!
Всегда твой дом
Стонт
На улице Мира!

г. Стalingрад.

Песни
нового Китая

新中国歌曲

желает, чтобы её собственный сын умер на полях той страны, в которой иностранные войска разрушали города, убивали людей, целями сжигали?

Приводят же наших матерей и их сестёр к борьбе за мир. Их силы огромны и благородны.

Я уверена, что скоро я выйду на свободу, потому что растут и крепнут сыны мужчины и женщины, которые борются за мир.

Сознавая, что наше дело неизбежно приведёт к победе, радостно борьться за жизнь наших братьев и за всю красоту жизни.

С каждым днём мы будем добиваться всё большего единства, организуя силы нашей любви для того, чтобы как можно скорее пришло счастье к нашим сыновьям.

Элиза Бранко

Бразилия.

Осуждение германской патриотики вызвало взрыв возмущения бразильского народа. Недавно под давлением общественного мнения верховный трибунал Бразилии вышикнул был оправдать Элизу Бранко. Освобождение верной дочери бразильского народа является победой сил мира и поражением агентов войны.

Так называется сборник песен, вышедший в Китайской Народной Республике. В песнях рассказывается о чистых чувствах, о падении сознания, о любви и преданности коммунистической партии, об славному воину Мао Цзэдуну, и светочу мира великому Стalinу.

Много песен посвящено борьбе за «Кядай», нельзя остановить течение быстрой реки, так нельзя остановить подъём горы. Ни всем миром, ни всем народом. Голоса говорят: «Отрубите кровавые ногти подножателей новой войны, стойко защищайте дело мира!». Пойдёт в одной из песен нового сборника.

КАРОЛИ КЭЛЛИ

— Вы уже подписались, сэр? Нет? Это надо сделать немедленно, время не терпит! Солдат остановился, подождя вплотную. Лицо девушки трудно было различить в темноте.

— А почему я должен подписаться это?

— Дорогой солдат, запомни:

— Это обращение Всемирного Совета Мира. Война нам не нужна. Я слышала, вас готовят к отправке в Корее. Подумайте, ведь вы пойдёте на войну? За что вы будете бороться? За него? Нет, сэр! Нельзя идти, пока подростки ваши не погибнут!

Солдат пристально взглядалась в лицо девушке. Наконец он говорил, говорил медленно, отрывисто:

— Ты можешь помочь мне, я в армии... Это нам запрещено.

— Запрещено? Но момент заходит в пределы нормы? Война — это смерть друзей! Их солдаты умирают, хватает шашек. Их хотят стрелять...

Солдат молчал. Девушка знает: ей сейчас задаст вопрос, который задают многие. Она ищет этого вопроса. И он спрашивается:

— Ты русская? Подписьывается за мир?

— Если бы на нас горели деревни, если бы в наших семьях ещё осталась память о погибших, вы бы не спрашивали таин...

— Может быть, вы правы, можете быть... Но я подумала, я должен подумать...

Фигура солдата растаяла в темноте.

Через нескользимо дней они встретились снова. Теперь солдат было уже троих.

— Мы видели вас, мисс! Мы решим, Вы всегда здесь бываете? Может быть, ещё кто-нибудь придет из наших...

Ухмыль, они спросили:

— Как же?

— Кэлли, Кароли Кэлли...

— В любую погоду, в разное время суток можно увидеть эту бесстрашную фигуру, которая умело и искусно склоняет солдат на западе Европы. Её уши здесь знают, многие при встрече здороваются с ней.

— Вы ещё не подписались под обращением, сэр! — привычно звучит её голос.

— Суммарно, Тихо на узкой улице. Ярко освещённые фонари билльярдной бросают на тротуар ровные полосы света. Там играют, доносятся стук шаров, громкие голоса.

Тогда это поленилась понимая женщина. И вагит...

— Тебе бы лучше убраться отсюда. Попадёшь в участок!

Это полнейший. Он поклоняется низом. На секунду стало страшно. Ну да, девушки не должны быть, спрятаться в той же билльярдной? Чуть подумав, Кароли решительно вышла.

— Я никогда не уйду, мое место здесь.

— Тогда я заберу тебя.

Эту сценку видел рабочий-лесоруб.

Он быстро вошёл в билльярдную. Через минуту Кэлли была окружена плотным кольцом рабочих. Все, кто был в это время в билльярдной, простили женщине, подписанной за Пант Мира.

И вот Кароли Кэлли в Советском Союзе. Радушно встретили советские люди這個 канадскую женщину. Мир для них — это сама жизнь. Модestное желание — помочь осознать и исполнить волю родной Канады. Мы уезжаем с собой правду о СССР, которая поможет нам в нашей борьбе.

«Годы мира». Подарок трудящихся Польши советским людям — стоящим борцам за мир.

Ф. ТАМАРКИН

Non attendete lo scoppio delle bombe
IMPEDITE IL MASSACRO
dei vostri bambini
FIRMATE CONTRO LE ARMI ATOMICHE

La RSISSA - 1950

A cura del Comitato Nazionale Partito delle Per-

В первых рядах

Каждый день на улицах городов и селений Италии появляются новые плакаты, страшно призывающие и борясь за мир. Вы видите, читатель, один из них. «Итальянские матери! — призывают плакат. — Не ждите, когда бомба пронесётся над вашими домами и смерти ваших детей. Подписывайтесь против ядерных боеприпасов!»

Народ Италии не забыл тяжёлых ядер, которые он побыв в прошлой войне по вине фашистского режима Муссолини. Об этом до сих пор напоминают группы развалин в итальянских городах, тысячах сирот и беженцев, которых брошили на берега Италии. Не забыл итальянский народ и того, как англо-американская самолётная бомбардировка рабочие районы промышленных городов, когда всяко уничтожение окончилось. От промышленных бомбардировок, которых произошли в городе Борго в рабочем районе Горло в Милане, погибли более трёхсот итальянских детей. Поэтому итальянский народ отвечает решительным: «Нет!» на погони американской ядерной бомбы, на ядерную войну.

В первых рядах итальянских борцов за мир идут молодёжь. Борьба за мир в Италии полна примеров высокой сознательности и геронами молодых итальянцев. Итальянские юноши Мины и Галасси из провинции Новара подняли в своём городе движение против ядерных боеприпасов. Молодёжь горячо поддержала юношей, и за короткий срок они собрали сотни подписей. Перепутанные полицейские сквиши Мины и Галасси и наложили на них арест. Но юноши были свободны. Их не могли остановить молодёжь Италии, которая готова ко любой жертве за мир. В Италии собрано 13 миллионов подписей под Пантом Мира. Среди этих миллионов — подписи молодых борцов за мир.

г. Рим.

О. И.

Рисунок ученика 3-го класса Пражской гимназии И. Крала.

«Смена» № 20.

ВАХТА МИРА

Писатель говорил просто и взволнованно. Он говорил о том, какие бедствия привнесла народам Европы вторая мировая война, как эти народы борются сейчас за самое дорогое в жизни — за мир.

В зале, обрамлённом мраморными колоннами, оратор слушали сотни людей — избранных столицы. И среди них была большеглазая девушка в светлом весенним платье. На ёё груди с левой стороны, над сердцем, широко распластал свою крылья белоснежный эмалевый голубь. Словно писатель глубоко запечатлил в душу. И, как это часто бывает с молодостью, воображение девушки рождало из слов зимние картины.

Москва скорого первого года. Девушки в форме ремесленницы спешат к себе в школу фабрично-заводского обучения, что находятся по соседству с Электроламповым заводом. Она проходит ходниками, серыми улицами, минует скверы и тревожно поглядывает вверх на предзимние облака. На душе у неё неспокойно. И вдруг знакомый голос диктора:

Аня Крошинина, как и обещала, ежедневно сдаёт по девятсот тридцать семь ламп.

Фото Г. Борисова.

— Внимание, воздушная тревога!

Скорее, скорее в первый попавшийся на пути подвал! Надсадно воят над городом тяжёлые бомбардировщики, бьют зенитки. Девушка сидит в подвале, опустив голову на руки, и думает: «А как там мама, успела ли она дождаться до метра...»

В воображении девушки встаёт и другая картина. Яркий солнечный, маёвский день. Вся Москва, миллионы людей с непокрытыми головами идут на Красную площадь. Незнакомые люди обнимают друг друга, целуются. Победа! Победа! Мир!

Прошло всего лишь шесть лет с тех пор, и вот на короткое, светлое слово МИР всё чаще и чаще ложится тень чёрного слова ВОЙНА. И девушке, вспомнившей времена бомбежек и затмений, хочется крикнуть:

На всей планете,
товарищи люди,
объявите!
Война не будет!

Впрочем, обмыть словами, думает девушки, этого ещё недостаточно. Писатель, чью пламенную речь слушают москвичи, подкрепляет мир новым произведением. Вот этот белосусый стеллаж, изверг в честь мира выплавлен не один десяток тонн металла. А вот тот вихрастый пареёк в шахтёрской форме выдаст на-гора вагон, а то и две вагона угла сверху плана.

Мир надо крепить делами!

Аня Крошинина — так зовут девушку, участницу Московской конференции сторонников мира, — на следующий день после собрания в Колонном зале Дома союзов привита в комитет комсомола Электролампового завода. Здесь она встретилась с бригадиром Николаем Рябовым — своим смеником.

Аня взяла карандаш, что-то подсчитала на бумаге и, подумав, твёрдо сказала:

— Наша бригада встала на авантюру. Однажды весь бригада даю слово на пять процентов перевыполнить установленный заводом план. И тебя, Николай, — обратилась она к Рябову — вызывали на социалистическое соревнование.

Рядов вызов прижал, но заметил:

— Сто пять процентов — это ты, Аня, перехватила. Я берусь с моей бригадой давать сто четырёх процента.

В тот же день обе бригады встали на вахту мира. Перед работой Аня собрала своих девушек и кратко рассказала им о конференции, о том, что скоро на заводе начнётся сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира, о том, что хороши бы были эти подписи скреплены повышенным производительством труда. Рассказала она подругам и о состоявшемся разговоре в комсомольском комитете.

— Вы простите меня, девушки, — сказала она, — но я так уверена в нашей бригаде, что, не советовавшись с вами, дала слово с сегодняшней смены перевыполнить план на пять процентов.

— Ну и правильно поступила, — одобрительно отозвалась комсомольский группир Верга Сумарокова.

В молодом и молодёжном цехе началась новая жизнь. Каждая девушка на своём участке старалась сделать больше, чем это надо было по плану, лучше, чем этого требовал строгий отдел технического контроля.

Цех, в котором работает бригада Ани Крошиной, изготавливает лампы дневного, или, как его здесь называют, «холодного», света. Работа точная и сложная, требующая большой сноровки и осторожности. Даже по плану разрешается брак до четырёх процентов. Аня решила сократить брак на один процент.

Все тридцать шесть девушек из бригады Крошиной — выпускницы заводской школы ФЭЗ. Бригада — большая и дружная семья. Аня хорошо знает личную жизнь каждой работницы. И девушки обращаются к Ане, как к родной, как к самому близкому человеку. Подойдёт бригадир к Клаве

Чернышёвой и Наташе Островской и спросит:

— Как настроение, как работает?

— Хорошо, — ответят подруги. Помсят бригадир головой, поклонятся и потом, словно мимоходом, заметят:

— А ведь вы можете и ещё лучше работать.

Доброе слово, большая подмигива в работе. Проворнее начинают двигаться руки, острее становятся глаза.

Работа в бригаде идёт по часовому графику. Высып под потолком цеха висит огромная доска. На ней нанесены всемирные яркие цифры. Это восемь рабочих часов. Каждый час бригада должна изготовить определённое количество ламп. Если девушки не сделают этого, цифры тащат и остаются не зажжёнными. Но стоит бригаде войти в ритм, то есть делать столько ламп, сколько предусмотрено планом каждого часа, — и темные цифры через каждые шестьдесят минут загораются ярким светом.

В тот день, когда мы были в бригаде Ани Крошиной, светящаяся доска с цифрами часового графика застыла за полчаса до конца смены.

— Чё в чём дело? — спросила Аня проходившую мимо девушку. — Почему горят цифры восемь, ведь смена ещё не кончилась?

Старший испытатель Луся Телятникова весело подмигнула:

— Всё в порядке, Ане, план закончен.

Оставшиеся полчаса девушки работали уже сверх своего обязательства.

На изготовление люминесцентных ламп, то есть ламп дневного света, есть простая, но очень продолжительная, отнимающая уйму времени операция — просушка стеклянных колб. Лампы просушивались в стеллажах по двадцать — тридцать штук, а зимой, бывало, и по двадцать суток.

Теперь вот посмотрите, что мы придумали, — с гордостью показывает Аня на круглый аппарат из оцинкованного железа.

Совсеменная электрическая вращающаяся печь удивительно просто по своей конструкции и весьма производительна. Девушка вставляет в печь стеклянные, полуметровой длины, мокрые трубочки и через пятнадцать — двадцать минут выпытывает их совершенно сухими.

— А-ку, — подсчитайте теперь, какую прибыль даёт заводу эта умная машинка, — говорит Аня Ульябская.

Её большие серые глаза полны нескандинской радости и счастья. Всё своим видом она словно говорит о том, как великолепно жить на свете, как светел и хороши мир и мирный труд людей на благо своей Отчизны.

Прибыль, денег, когда подвели первые итоги соревнования бригад, ставших на вахту мира. Аня Крошинина, как и обещала, ежедневно сдаёт в отдел технического контроля по девятсот тридцать семь ламп дневного света. Работа идёт без рывков, ритмично. Девушки переглядывают бригаду Николая Рябова, хотят эта бригада тоже свой план перевыполнила.

Сейчас на заводе соревнуются сто пятьдесят бригад. Аня Крошинина занимает второе место — после Валентины Хрисановой. Так трудом девушки скрепляют свои подписи под Обращением Всемирного Совета Мира.

Михаил Токарев, слесарь на сборке шагающих экскаваторов Уралмашзавода. Встав на предотвратительную стахановскую вахту, М. Токарев перевыполняет производственное задание в три с половиной раза.

Фото Ф. Рыбакова

Автобус остановился у железнодорожного перехода без каких бы то ни было видимых причин. Досаднее всего было то, что все передние машины успели проехать, а шлагбаум закрылся прямо «перед носом». До Уралмаша оставалось километра три, видно было видна центральная площадь Пионерки, склонившаяся высокими мачтами с белыми шарами фонарей.

Стогая поздняя тёплая осень, какой давно не помнили на Урале. Молчаливые сосны выстроились по обеим сторонам трассы. Тишина. Но вот поднялась над деревьями белое облако, донёсся паровозный гудок, и вскоре из-за поворота показался паровоз.

— Теперь заселим надолго, — всердцах сказал шофер. Он многозначительно посмотрел на большие карманные часы, приложенные широким ремешком к руке, затем отворил дверцу кабинки и вышел. — Готовая продукция! — крикнул. — Выходите, гравийщики, на время сна.

Мимо на длинных платформах проплывали огромные стальные сооружения. Они не помещались на один, они лежали на трёх платформах сразу, и было видно, что целиковаренные эти формы — лишь часть одной гигантской конструкции.

— Да, махина! — заметил шофер, поглядывая подбородок.

— Стrela. Стrela пятого шагающего, — объяснила девушки, стоявшая поблизости. Шофер на спешке обернулся, чтобы обнажить, сколько махин лежит на ней. Перед ним девушка, военно-спортивная лодочка в белом пальто, в берете, с сумочкой в руке. Подмышки у неё книга, на груди значок разрядника по баскетболу.

— Значит, стrela, — говорит шофер.

А пеезд, убыстряясь, ходил, пронесёт громаду-коши с большими зубьями, сбрынутые стальные стропы, ящики с двигателями, снаря фермы, стропы и металлические детали.

— Всегда каждую деталь надо делать... — вслух размышлял он. Сюм снимает фуражку с чёрным окольцом, сохранившимся, видно, еще с военных времён. — Да, работает!

— Да и народу у нас, на Уралмаше, много... Это сказала всё же девушка. Она тоже подошла к шлагбауму и тоже смотрит на проходящий поезд.

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

А. ОДИНЦОВ

— Вот что, девушка, — по-отечески говорил шофер, — я вас, конечно, не знаю, но скажу, что дело тут не в количестве, а кому можно доверять... — и, снижая голос, добавляет: — Эти машины, сама знаешь, куда!

Шофер надел фуражку и пошёл к автобусу, на ходу бросив пассажирам:

— Поехали, граждане, время...

В сином воздухе пахло осенне-зимними испарениями распавшегося металла, перестуки формовочных машин, пискение сжатого воздуха. Вначале и не разберёшь в нагромождении гигантских отливков среди котлованов пищущих жаром. Но вскоре уши привыкают к шумам, а глаза к свету, и начинаешь понемногу осваиваться и понимать разумный порядок.

...С таким же чувством мы сошли когда-то с парохода на берег Волги у Жигулей, на котором уже работали наши мамы. Экспонатами и экспонатами, скверны грузов, грузов, грузов, грузов, грузов... Краны, тракторы и автомобили втыкались в землю, громоздили горы, перевозили эти горы с места на место, и в этом шуме и гомоне тихий, застеничный киношник-экскаваторщик Женя Камаев говорил нам: «Вот здесь станут наши турбины, видите, какой большой будет машинный зал». Он обвел рукой весь котлован, в котором виднелись лишь стrelы экскаваторов, увенчанные красными флагами, похожие на мачты кораблей, зашедшие в плунговую гавань.

И не вспоминай об этом noway здесь, — иди, увидишь, потому что всё связано единим пасхосом созидания, единственным темпом жизни и работы, и кажется, что стоит только выйти из цеха, как пред тобой откроются раннее волжское утро и дали Комсомольска, нового города у Жигулей.

...На дне глубокой ямы, в которой уместился бы небольшой дом с крышей, рабочие формуют кожух землесоса. Эти отливы скоро увидят строители Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций. Такой землесос заменяет пять тысяч землеройок.

Высоко, под самой крышей, мощный мостовой кран, как птица, широко распластав крылья, несёт в своем клюве деревянную модель кокшина. Звенят цепи, и вот деталь на дне котлована. А рядом из отгледышащего ковша в другой котлован, в уже готовом форму, льётся белая сталь. Из третьего котлована выбивают сплюснувшую землю, огороженную приподнятым уже твёрдую, но тёплую ещё гигантскую отливку.

Неподалёку, формовочных машин, работают три девушки. Шумят скжатый воздух, стучат машины, трамбуют землю в металлические сплохи.

И здесь на краях, на формовочных машинах тоже красные флаги и большой плаштак на котором выдаются слова «Наша обязанность» и чуть ниже: «250 процентов».

У формовочных машин, между приёмными столами, работает Нина Слинина. Мы узнаём её сразу. Она в том же же берете. В тёмном рабочем пальте она кажется меньше ростом и тоньше. Неподалёку на полочке лежит книга, заложенная посередине красными калеными страницами. На кончике пальца, по краю её запахивается шумом пека. Шумы, как морские волны: они нарастают, будто разбиваются о камни, а потом откатываются, и становятся на несколько секунд совсем тихо. Вот в таком момент отлавливается, когда нарастают эти шумы, в тишине, вдруг доносится звонкий голос Нины:

— Девочки, я вам тысячу раз говорила: волноваться не надо, мы будем работать, как обычно, не спеша. Здравствуйте, товарищи технолаги!

Это обращение относится к подшешенному инженер-техническому цеху. Он не один. С ним две хромометристки. Там расположаются у машин, сидят, вынимают часы, затягивают карданы.

— Ну как, девчата, готовы? — спрашивает инженер.

— Нам готовиться нечего, — отвечает Нина. — Правда, девчата? — Она смотрит на своих подруг.

Машинист Нина Арфельева, девушка в синем свитере, молча улыбается, показывая два широких ряда ослепительно белых зубов. Раи Лопаткова, высокая, худенькая, молчит, но видно, что Нина на неё смотрит насторожено, тоже чуть улыбается, и ульбакой этой она будто говорит: «Ты думашь, что я воланулась, ты во мне сомневаешься? А напрасно. В работе я не подведу».

— Мы готовы, — говорит Нина. — Теперь спросите у соседей.

Рядом у таких же формовочных машин работает бригадир Андреев. Настроение там боевое, особенно у бригадира. Во всей его осанке, движениях чувствуется уверенность.

Лицо бригадира, чуть лукавая усмешка, играющая у краёв губ, говорят: «Ещё посмотрим, кто победит: девчата или мы, специалисты своего дела».

И соревнование начинается. Одновременно щёлкают две хронометры, и Нина тёмной стороной ладони откладывает на висящую прядь волос.

Издавна здесь, в бригадах формовщиков, работала на двух машинах шесть человек. И в комсомольско-молодёжной бригаде Нины так же. Но постепенно нужда везде в шестерых отпала. Нина первая заявила, что справляется вчетвером, уложит время на обработку операций и ликвидировав межоперационные пространства. Девушки настолько хорошо изучили свои механизмы, научились засматривать друг друга, что, даже работая вчетвером, почти нечувствуют перемены.

Здесь в цехе, где большая нужда в хороших формовщиках, почтнувшись пересмыли. Были созданы новые бригады, уже по методу Силкиной, состоящие из четырёх человек.

Четыре человека стало и в бригаде Андреева. Бригадир не сразу решился отдать двух рабочих. Он приходил задолго до начала смены, стоя окольо Силкиной, курил, посыпалась, а сам следил за каждым движением девушки. «Да, пожалуйста, такая расстановка правильная два машиниста и два отдельщика». И когда подумал, когда понял, эта мысль стала будто его собственной, будто не Силкина, а он, Андреев, это решила.

Спустя два дня он уже сам гордо доказывал Нине преимущества нового метода.

— Веди раньше, пока машинисты работали, отдельщицы ждали, значит, простакали, — говорил он.

Да ведь и сейчас ещё у отдельщицы есть время, — заметила ему Силкина.

Нина уже думала о том, что можно освоить ещё одну отдельщицу, что она сама

справится с этой работой. Но Андреев

тогда этого не понимал. Он только усмехнулся, — сказал: «Не спиральница! — и отошёл.

Но оказалось, что Нина справилась. Оказалось, что спряталась и сам Андреев, когда у него в бригаде вместе с четырьмя также осталось трое.

— Это мы верно с тобой решали, — степенно рассуждал он. — Бригадир, и он же отдельщик, принимает готовые формы. — Помолчав, он добавил: — Как же, это даёт значительно снижение себестоимости...

— Все в семье Нины спортсмены. Брат Степан — тренер баскетбольной команды, его жена Ольга — тоже баскетболистка, другой брат, Алексей, центр нападения заводской футбольной команды, сестра Шура — легкоатлет. Нина знает, что такое борьба за десятую долю секунды на беговой дорожке. Поторопитесь — значит проиграть. Нина помнит, как однажды, когда она впервые вышла на беговую дорожку, она пробежала стометровку раньше других девушки. Запыхавшись, краснеясь, она подошла к братям, окликнула поклонами, но Степан нахмурился и сказал:

— Бежала очень плохо. Никакой техни-

ки, а одной силой не возьмёшь. Надо наблюдать, думать... Он взял её за руку. — Ишь, какой пульс! Безобразие.

Чувство ритма, чувство времени пришло не сразу. Оно входило постепенно. Оно звякало волною, разрывало наблюдательное поле.

Знать, наблюдать, думать, открывать стало для Нины самой жизнью, бытом, привычкой.

И тогда, когда в её бригаде осталось трое, возникли новые вопросы, требовавшие немедленного решения.

Работал отдельщица Нина увидела, что у неё ещё остаётся время помочь мотоциклисту, увидела, что многие рабочие прёмы можно упростить. Инженер-технолог в цехе, педагоги в школе рабочей молодёжи помогали ей в расчётах. Так возник новый технологический процесс, повышавший производительность труда на 42 процента. Но как это доказать Андрееву и другим бригадиром, которые считают, что «секунда не время»?

Кто прав, покажет хронометраж. И часы начали отсчёт секунд.

— Какие детали сейчас набиваете? — спрашивал Нины инженер.

Зуб колеса шагающего экскаватора, — отвечает бригадир.

Первый раз — установка подводящей ленты на стол формовочной машины. Вместе со своим машинистом Нина поднимает пищевательским подъёмником ленту и закрепляет её болтами. Она видит, что машинисты бригады Андреева это делают быстро, но один, без помощи бригадира. Он терпеливо ждёт, когда машинисты закончат эту работу.

— Двадцать восемь секунд — Силкина, тридцать две секунды — Андреев, — объявляют хронометристки и записывают.

Андреев хмурится и что-то говорит своим машинисткам.

На следующий операции бригада Силкиной опять выигрывает пять секунд. Нина улыбается, но тут же ей становится неудобно, и она кричит своему сопернику:

— Помогать надо, товарищ Андреев, помогать машинистам!

...Пройдёт несколько дней, и об этом соревновании напишут в заводской газете, а ещё через некоторое время из Москвы из издательства придёт на имя Нины Силкиной с просьбой написать книгу о новом методе, но сейчас она этого не может знать.

Следующая операция — заполнение опоки наполнительной смесью. Нина видит, как Андреев открывает бункер и формовочная земля постепенно заполняет опоку. Машинисты Нины Арфельева и Лопаткова

— «Двадцать пять секунд — Андреев, тридцать восемь — Силкина», — записывают хронометристки.

Доля секунды! Она ещё вчера советовала Андрееву включать вспрятывающий механизм, чтобы не потерять Ты бы быстрее. В этом секунд успеха на этой операции. Пока нога держит пусковую скобу, руки свободны и могут утрамбовывать землю. Но вчера в ответ на это предложение бригадир только усмехнулся. А вот сейчас проиграл на этом ещё тридцать пять секунд.

— Ничего, всё равно догоню! — задорно кричит Андреев.

Он видит, что девушки не торопятся, что движения их точны и размеренные. Сам он спешит. Видя, что Нина помогает машинистам, он бросается к одному, к другому. То ищет болт, то долго трамбует землю, мешая машинисту.

«Эх, надо было посмотреть, как они это делают! — думает Андреев.

А хронометристки выкрикивают:

— Тридцать пять секунд — Силкина, сорок пять секунд — Андреев. «Опять двадцать секунд упустила», — думает бригадир. Оユко кричит «Догони!» Он видит Форма готова, и время Силкиной — три минуты одиннадцать секунд, а время Андреева — пять минут тридцать пять секунд.

«Вот так и я тога запыхалась, когда бежала, — думает Нина, вспомнила свою первую стометровку. — Действительно, не было у меня тогда ни плана, ни ритма, ни техники».

Проходит час, другой. Уже давно закончила бригада Нину набивку форм зубьев колеса, уже формируют муфты, цилиндры. Перешёл на другие формы Андреев, но Силкину ему не перегнать. У машинистов появляются начальные цеха, и парторг, в космосе Виталий, и мастера. Теперь ясно всем, что приёмы работы у Силкиной хорошо продуманы, что детальная разработка каждой операции даёт превосходные результаты.

...В те времена, когда происходили испытания новых мотоскал в рабочих цехах Ниной Силкиной, из ворот другого цеха выходит, гремя гусеницами, трёхблочный экскаватор. Это тоже подарок Октябрь — сверх плана из склонометальных материалов ещё один «Уралец». А в другом проёлете кран осторожно укладывает на железнодорожные платформы уже собранные части конусной дробилки, тоже выпущенной сверх плана. Дробилки, которая способна передробить ежегодно пять миллионов тонн руды. Трогаются со звоном платформы и выходят из цеха.

А где-то в стени на Дону на высоту стrels поднимают трои мучоги ковша, шагающего экскаватора. Молодой машинист сидит в своей прозрачной кабине. Он нажимает рычажки, и ковш с высоты летит вниз. Зубы его вонзаются в землю. И там, где вонзаются ковш земли, сразу вода портит, там будет канава, вода, энергия.

А Нина, счастливая Нина идёт с Андреевым из ворот завода, и тот говорит:

— Понимаешь, ногой надо включать вспрятывающий механизм. — Он размывает руками для большой удивительности. — В этом секрет успеха. Понимаешь?

А Нина слушает его и думает, что хорошо бы поработать ещё немного. Ей жаль, что так быстро окончилась смена. Она погна сила, энергия. «Вот сейчас дойдёт до угла, и я сверну, — думает она. — Пойду на стадион». Ей хочется напрячь мускулы, подставить лицо и волосы ветру. Хорошо бы сейчас на мотоцикле... Нина смотрит вид ровного широкого проёса. Там, у перекрёстка, снова проносятся машины, дёгти, металлические фермы стрел.

...Шумят мачтальные соны. Богатая ничече осень на Урале!

г. Свердловск. Уралмашзавод.

Бригада слесарей цеха сборки экскаваторов систематически выполняет две с половиной нормы. На снимке (слева направо): молодые слесари Павел Кузнецкий, Анатолий Буденников (бригадир) и Василий Даргин.

чуть запаздывают, и Андреев, видя это, поднимигивает Нине. Но все движения предусмотрены заранее. Девушки открывают бункер сразу, и земля моментально наполняет опоку. Нина помогает разравнивать землю.

— Бежала очень плохо. Никакой техни-

«Есть такая партия!»

Е. Кибрин

«Октябрь в Смольном».
С картины Н. Осненова

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Смолокур

...Было это года три — четыре назад.

Мы сидели на дне небольшого оврага, густо поросшего щетинником, лисохвостом, сизо-зелёной полевицей. Плотный налес из ветвей лещинки не пропускал: сюда лу-чай жаркого августовского солнца. Чаша оврага была наполнена приятной прохладой. Тихо. Только журчал, вырываясь из расщелины песчаной стены, изумрудная струя холодного родника. Рядом, в небольшом сточном колодезинчике, из которого берёт начало южный ручей, плывла берёзовая вода. Из неё только что вышла письменница, смолокур села Лебединое, которое расположилось недалеко, на луговом берегу Волги.

— А началось это самое у нас запро-сто, — спешно продолжал рассказывать смолокур. — Сами понимаете — война. То того нехватка, то этого. Но особенно нуждались мы в детёте. Пропал он из продажи.

Нет в магазине, конец. А можем с первым затирало, — перенёс дух смолокур. — До двадцати лет Транспортные склады наши подорожали вдвое, разноголоси. А в хозяйстве без детёта не обходиться. Сбруя загrubela, колеса у телег пишут, за версту салышко, бела, одним словом, да не одина, а с победушками. Тут подвернулась мно олиянка в читальные книжки, и списалась в ней то, как сделать самому смолокурину и наладить выгонку детёта.

Проглатил я эту книжку в одночасье. Так вель и у нас это дело наладить можно: коты найдутся, берёз в лесах полно, — только руки прикладывать.

Прихожу к председателю, стало быть, к Ефиму Лукичу. Выкладывая ему свою соображения. Ух ты, и обрадовался же наш председатель! Молодец, говорит, ты, Гаврила, ума не мене. Всё, говорит, необходимо: коты, ямы, бочки, трубы и прочее. В помощники парочку ледов поставили — Егорчика да Фомичка. А сам сочинение о детёте в стой слух, доскаст, nocturno прокомплировал.

Смолокур сорвал зелёную мутонку можжевельника, помял её в руках, высыпал острый смолиной запах, и повёл рассказал дальше.

— Через неделю запустили мы первые два аппарата. Вначале вроде скрипидар

шёл, а потом наладилось. Я всё книжкой руководствовался. Погнали детёта, да ёшё какой, добрытый детёгот, густой, пахучий, благодатный, а не детёта.

Вскоре мы ещé две перегонки соорудили. Что? Зачем так много, спрашивается? Да как узнали соседние колхозники, что у лебединцев свой детёта появился, начали один за другим к нам наезжать. Продайды, мол, детёгот. В Подгорье чесотка на лопатой наваливалась, счищай детёта нужной. Привозили лебединские скоты, да и он мезонинные вещи. Что? Не салаки? Точно, точно, сам ветеринар об этом говорил. Я тогда три ведра детёта подгордцам дала. Так просто, без денег, под подарок. Там ведь мой приятель колхозник работает — Лука Петров. Мы с ним на новогодней ярмарке познакомились.

Наш председатель, видя такое дело, в коммерцию было пустился. Не вышло. Зато привились партийный секретарь, наш учитель Семён Иванович: надо, говорит, соседей самих скомплексированным делу обучить, а не драть с них втиородника.

Теперь у нас в пасм селях колхозы са-ми детёта гонят. Книжку ту, которую мне когда-то в читальные дали, искёрпил в труху. Все руководствовались. Всё вояни на-учиша.

Меня тогда однажды директором смоло-курического завода прозвал: А мне что, я и не бабка? Вроде почтёт.

Смолокур бросил в ручейкожжеволо-вую ветку, поднял руку, проговорил гордо:

— Ганько-ка, вот сию, наше предпри-ятие.

Я посмотрел туда, куда указывал Гаврила, и увидел на берегу реки синеневые дымки, вздымывающиеся над берёзовым рощей.

В это время из леса, прыгнувшего к оврагу, вышла белокурая девочка в ярком ситцевом сарафане. В руках у неё была обёмисткая корзина, да спинной — кузовок. Заметив её, смолокур крикнул:

— Эй, Нюша, хороши ли мыч грибы-то?

— Хороши! — раздалась в ответ чистый, звонкий голос девочки. — Вот каких голубиных нюхомааа, — и девочка вынула из пластины большой боровик.

— Стой! Сам ногайку!

Смолокур живо вскочил на ноги и, вы-вёртывая босые пятки, побежал во весь дух к юной грибинице. Я не удивился поведению смолокура, — ведь ему было всего пятнадцать лет.

После дождя

Дождь прошёл. Небо просветело. Ра-дужно сверкали капли на листве де-ревьев, да и те скоро испарились под жаркими лучами летнего полуденного солнца.

И о недавнем нечастье напоминала толь-ко большая лужа, образовавшаяся по-среди сельской улицы. К ней-то и направля-ли свою быстрые стопы деревенские мальчишки. Один из них был вооружён лопатой, второй — соком, третий нес ка-кую-то дощечку.

Загорелый, румяный крепыш, подстри-женный ёжиком, деловито осмотрел лужу и — подошёл.

Всё за этим следил старик, — тощий, и детишек привлекал за работу. Двое из них, детёгот лопатой и соком, начали копать канаву, ещё двое, используя ку-соки теснины, полукруговыми движениями подавали песок. И втырые издали было похоже — действует стрела экскаватора. Остальные сооружали из щепы и глины домики.

Мне, сидевшему на крыльце колхозных конторы, хорошо были видны сосредоточенные, серебряные лица мальчишек. Ребяташи трудились молча, напряжённо, кро-потливо. Их труд привлек внимание пред-седателя колхоза, проходившего мимо.

— Стой! Чем это вы здесь делаете? — спросил он, останавливаясь к старшому, что был у них за рожек.

Тот выпрямился, смыкнул тыльную сто-роной ладони обильный пот с лица и, за-лягаясь под козырёк председательской фуражки, проговорил замок:

— Дядя Кузя, да разве вы не видите? Да это же наш гидрострой.

Голуби мира

Летним вечером в кабинет секретаря горкома партии вошёл мальчик. На вид ему было лет двенадцать. Проговорил «здравствуйте», он робко остановился у дверей.

Секретарь горкома, грузный, пожилой мужчина с усталым лицом, поднялся из кресла и вышел из-за стола навстречу по-сетителю.

Внимательно посмотрев в широкое, ложкото, воспухшее лицо мальчугана, ухмыльнувшись удивлёнными глазами, секретарь поклонился и спросил:

— Тебя как зовут, мальчик?

— Июлом! Я Июл Кеттар, ученик перв-ой средней школы.

— Ну, давай познакомимся. Я буду Да-нила Николаевич!

Секретарь, как взрослому, пожал руку школьникам.

— Рассказывай, Ион, с чем пожаловал?

Мальчик, обрадованный радушным приемом, уже смел проговорил:

— Я... голубятник.

— Голубятник?! — удивился секретарь, Нет, что я, голубы — хорошее и полезное занятие.

— Мы с Тимофием Сурду второй год голубей ходим. У нас и турманы есть, и дуплики, и грабустине.

— Интересно, интересно... — потирал руки, заходя по кабинету секретарь. — Это, что же, породы такие?

— Породы.

— А чем они, например, различаются, голуби? Вот ты последние называл трубачами...

— Трубастый-то? — совсем повеселая мальчишка. — Да это даже очень интересная птица, Даниил Николаевич. Голос у него замечательный. Научит петь, словно кто в стороне в барабан бьёт. Их восьмёл отчего же почтового, это, можно сказать, рабочими птицами. Сынки ста километров в час летят, когда на курс ложат. Память у них изумительная. Отсюда за тысячу вёрст — домой вернутся.

— Откуда ты всё это знаешь, Ион?

— В милиции книжки есть. Кроме того при школе зоологический кружок работает, комсомольцы и пионеры в нём занимаются.

— А скажи, Ион, — положил на голову мальчику. — Чем я могу быть тебе полезен?

— Видите ли, Даниил Николаевич, у нас паспортов лицом Ион. — Голубятник! все в нас прости.

— Вот тебе, бабушка, и хлебный квас! Простите! А ведь ты же сам говорила — породистые.

— Да нет, я не то хотела сказать, — замялась голубятник. — Это верно, птица отменная. Но мы... пионеры и комсомольцы, хотим, чтобы они были голубями мира.

С лица секретаря гордко исчезла садумость. Он тоже улыбнулся и задумался.

Нам учительница говорила, Мария Александровна, что скоро в Берлине будет проходить фестиваль мира. Мы хотим туда, в Берлин, посыпать наших голубей.

— Прекрасно! И много у вас голубей?

— Десять! Мы лучших отобрали. Белых.

— Так где же они, ваши голуби?

— Да здесь же, у вас в горкому. Их в коридоре Тимофию караулят, товарищ мой.

Секретарь вышел вслед за мальчиком. Действительно, в коридоре на скамье стояла большая клетка, сплетённая из проволоки. В ней были голуби. Черноволосый маленький в трусах в майке-безрукавке стоял около клетки. При виде секретаря и Иона, поднял голову от крыльев двери, достал одного из голубей и поднес его к лицу. Белоносная птица с небольшой головкой на грациозной шее, с тонкими сизыми пероисками на крыльях смирно сидела на детской руке.

— Это «Олея», — пояснил Тимофиий. — Дрессированный. Прирученный. Мы его в темноте к рукам привыкли. Голуби не любят, когда их днём берут в руки.

Помахавши красивой, благородной птицей, секретарь сказал:

— Хорошо! Мы отправим ваших голубей по назначению. Но скажите, вам не жалко с ними расставаться?

— Так ведь они обратно к нам в Молдавию прилетят! — воскликнула Ион.

— А если не прилетят?

— Если в другие страны улетят, тогда ошибочно блесну с зёрнами глазами Тимофию... — подумала Ион.

— Да, голуби мира, — проговорил секретарь горкома и вдруг обнял за плечи ребят и по-опосовски, крепко по-человечески.

Георгий ГУЛИА

ПАРЕНЬ ИЗ ГОРЬКОГО

Волошка ведёт кругой песчаный обрыв. Ноги увязают в песке, маком и тёмлом, точно смесью смолистой муки.

У самого берега, уткнувшись носами в землю, стоят лодки. Они неподвижны, так же как и вода, в этот жаркий и тихий полдневный час.

Оглядел я Волаге нескользкими километров. Туда можно ехать машиной — от Ставрополя до пристани, можно и по воде — от этой самой Волыши. Но кто поведёт эти лодки с аккуратно просмолёными бортами?

На берегу пустынно: августовская жара даёт себя знать. А там, на Дубровской горе, неумолчный шум. Это возводят город Портвой. На противоположной стороне волжской поймы, или, вернее, будущего Куйбышевского моря, тоже шум. У подножья горы Малгобека работает эжекваторы, замолкающие, спиды, болеющие барыши, машины, там строятся плотины Куйбышевской гидростанции.

Мы идём вдоль берега. Как бы нам воспользоваться одной из многочисленных лодок?..

Но вот из-под моторки неожиданно поднимается молодой человек. Лицо у него загорелое, глаза карие, большие, чуть на выкатке. Одежда на нём рабочая, вся в малярных пятнах, руки тоже в масле. Ему лет сорок.

Лодка заливает мотор, приспускается к сухому берегу. Молодой от времениухает, из выпущенной трубы вырываются чёрные хлопья дыма.

Мы подходим к лодке:

— Добрый день!

Парень заглушает мотор, выпрямляется, вытирает руки паклей:

— Здравствуйте.

— Как же до Волги добраться?..

— Пи Волошко, что аи?

— Желательно в Волошке.

Парень снимает фуражку и тыльной стороной рукава протирает вспотевшему лицу:

— А вам куда? К прииску?

Хорошо бы дальше в Жигулёвск...

Народ-то весь разошёлся, — говорит парень, кивая на пустые лодки.

— А почему?

— Волошка на перекате обмелела — лодки застревают...

— А вы что?

— Я ничего. Лодку готовлю... В Жигулёвске поплавшу.

— А как же с перекатом?..

Парень задумывается, усиленно трёт ладони о брюки:

— Верно, перекат... Застришь, пожалуй.

— Значит, и вам немерено надо?

Парень обясняет, почему он обязательно должен плыть в Жигулёвск:

— Нынче в забой становится новый эжекватор. А машинисты наши, горьковчани, обещали по две нормы вырабатывать.

— А вы-то сами тоже эжекваторщик?

— Пока нет, — отвечает парень, и в голос его звучит лёгкая досада. — Но скоро буду. Вот курс на закончу — и всё... У нас шаштакий пойдёт, — говорит он с гордостью. — Мне и нёй и работать. А отец не верить...

— Ваш отец?

— Да, мой.

— Почему же не верил?

— Он в Горьком на автозаводе работает. Это он нарочно не верил, чтобы меня подздоронить. А я что же? Раз в Куйбышеве ехать решила, значит, нет повода... — И он добавляет, словно оправдываясь: — Гидростанция и Горькому поможет... Верно говорю?

— Верно. А вы что же, одни приехали?

— Как одни? — воскликнул горьковчанин. — Со мной и Вася Петров, и Георгий Сидорин, и Петя Жуков... Нас много тут...

— Ясно...

— А вы гости или тоже на работу приехали? — спрашивает наш новый приятель. Мы переглядываемся.

— Ну, скажем, гости.

— Раз гости, надо вас везти, — решительно объявляет парень.

— А как же с перекатом?

— Раз надо, и перекат одолеем... Вы Чкаловы знали? Тоже наши, горьковчанин. Он бы тоже сказал: раз надо, значит, можно!

Юноша притащил нас в лодку:

— Сядите, плавать.

— Может, tolknut' e?

— Я сам...

И вот уж мы на воде. Парень заводит мотор. Лодка, плавно очертив дугу, выходит на середину неширокой Волыши. Мотор работает мерно, шумят он не так громко, как там, на берегу. За кормой остаётся вееробразный след...

Всё же перекат нас беспокоит. К тому же лодка перегружена...

Моторист, держа руку на руле, наклоняется к нам.

— Не беспокойтесь, — говорит он, — мне самому интересно проплыть там, где трудно. На крайний случай в воду полезу, а вы волоку.

Лодка резко зайдёт, идёт новодомым на фарватером бесстрастной Волыши.

— Скоро здесь море будет, — продолжает парень, — и тогда я туда приходится плавовать — в Волыши.

Гляди на его загорелое, уверенное юношеское лицо, мы забываем о коварном перекате. Мы не сомневаемся: в Жигулёвске будем плавать на пароходиках!

...Внизу, на бетонной площади, шумит, переливается, словно волна, огромная масса людей. Это пришли строители на митинг, посвященный пуску вод Дона.

ПО НОВОМУ РУСЛУ

Утро солнечное, ясное. В городке строителей праздничное оживление. По улицам, обсанжемленным молодыми деревьями, стайками рассаживаются школьники. Ребята в кепках и беретах, в красных шарфиках, стеках несут каски с голубыми лягушками и коричневыми пальтишками и накрахмаленными передниками держат в руках цветы. В парикмахерских, столовых, несмотря на ранний час, многогодюно: каждому хочется в этот день почиститься, принадежаться, поскорее справить необходимые хозяйственные дела и поспешить к другим по работе. Всё управление строительства, на центральной площади, многогодюно. Юноши и девушки, пожилые рабочие-строители, инженеры, в праздничном костюме, собравшись групами, оживленно разговаривают, поздравляют друг друга с трудовой победой. Отсюда — пешком и на автомашинках — строители и гости направляются к котлованам электростанции.

Проплывают мимо громадные краны арматурного завода, конусы штабелей гравия, песка, коробки бетонных заводов-автоматов — и вот она, огромная чаша котлована. Её прямо, почти на равных частях, разделяла металлическая эстакада. Большая половина эстакады покрыла железобетон плоскими, быки которой, словно ребра, четко выделяются темною солнца.

Ещё вчера дно котлована было похоже

Сергей КРУТИЛИН

на поле огромного сражения: сновали туда и сюда сотни автомашин, вились над котлованом стрелы подъёмных кранов, ведущих укладку железобетонных панелей в нижнем бьефе, поднимая громадные горны опалубки изображения коминов, где работали конторы начальников участков. Ещё вчера здесь вились строительные работы, а сегодня бетонное дно пиженного котлована чисто подметено, словно площадь большого города, и только в одной части верхнего котлована, отгороженной от секций, в которых пойдут воды Дона, шипунут, безумно-ку стучит колёс.

Идут, идут празднично разодетые строители, останавливаются на откосе котлована, с гордостью осматриваюттворение своих рук плотину, здания электростанции, широкую реку воды которой уже вплотную помешаны к плодородию, закрывавшем им путь в нижний бьеф. Все веселы и оживлены.

Вот идёт большая группа молодых строителей. Впереди высокий сухощавый юноша. Он в гимнастёрке без погонов, на голове его фуражка с эмблемой лётчика. Это комсогр котлована Андрей Ступин. Он сравнительно недавно демобилизовался из рядов Советской Армии и, придя настрой-

ку, быстро завоевал авторитет среди друзей. Его избрали секретарём комсомольской организации района, ведущего основные строительные работы котлована. У Андрея продолговатое лицо, серые с голубинкой глаза, добрая улыбка. С ним его избранный товарищ Вадим Чирков, комсомолец, инженер-механик портальных кранов, экскаваторщик Александра Бочкарёва, электросварщица Мария Болдырева, машинист мотовоза Василий Голубов, инженер отдела главного энергетика Лилия Николаенко. Все они пришли настройку в разное время и разными путями. Вадим Чирков, окончив год назад Одесский политехнический институт, по прибытии был назначен электриком участка. Деятельный, знающий и любящий свое дело комсомолец вскоре был выдвинут на более ответственную работу. Александра Бочкарёва — изобретатель знатного экскаваторщика Евгения Симака. Осенью 1949 года он на своём «Уральце» вынул первый ковш земли из котлована будущей плотины. За эти два года экскаваторская машина выбросила в откос более 1 миллиона кубических метров грунта. Экскаваторщики Симака начинили рты котлована, помогали строить перемычки, оттесняющие Дон из места строительства плотины, и только вчера закончили прокладку нового русла для ре-

Тысячи трудящихся радостно приветствуют новую победу советского народа.

ки. Черноглазая гибкая электросварщица Мария Болдырева родилась на Ростовщине, окончила курсы электросварщиков в Сталинграде и вот уже год работает на строительстве. Она сваривает фермы устроев железобетонной плотины. Редкий был день, когда Мария давала за смену менее 250—300 процентов. Василий Голубов совсем еще молод, но его все почитательно называют Василием Васильевичем. На стройке он давно. Начале работал в отдаленном техническом подразделении. Но ему не нравились условия в кабинете. Он окончил курсы шефов. В мае когда инженерно-технических работ достигла промышленности, Василий Васильевич попросил, чтобы его направили на доставку бетона. Он стал водителем комсомольского мотовоза № 152. «Мир победит войну!» — написал Голубов на своей машине. Каждую смену Василий делал по 15—17 рейсов от бетонного завода к блокам плотины вместо 7 по норме. А самая молодая из всей группы Алия Николаенко. Она только летом окончила Ленинградский экономический институт. Но и Алия уже увлечена новой, интересной работой. Она хронометражирует нормы расхода электроэнергии на кубометр железнобетонных работ: многое еще больших строев будет в нашей стране, надо знать и изучать экономику.

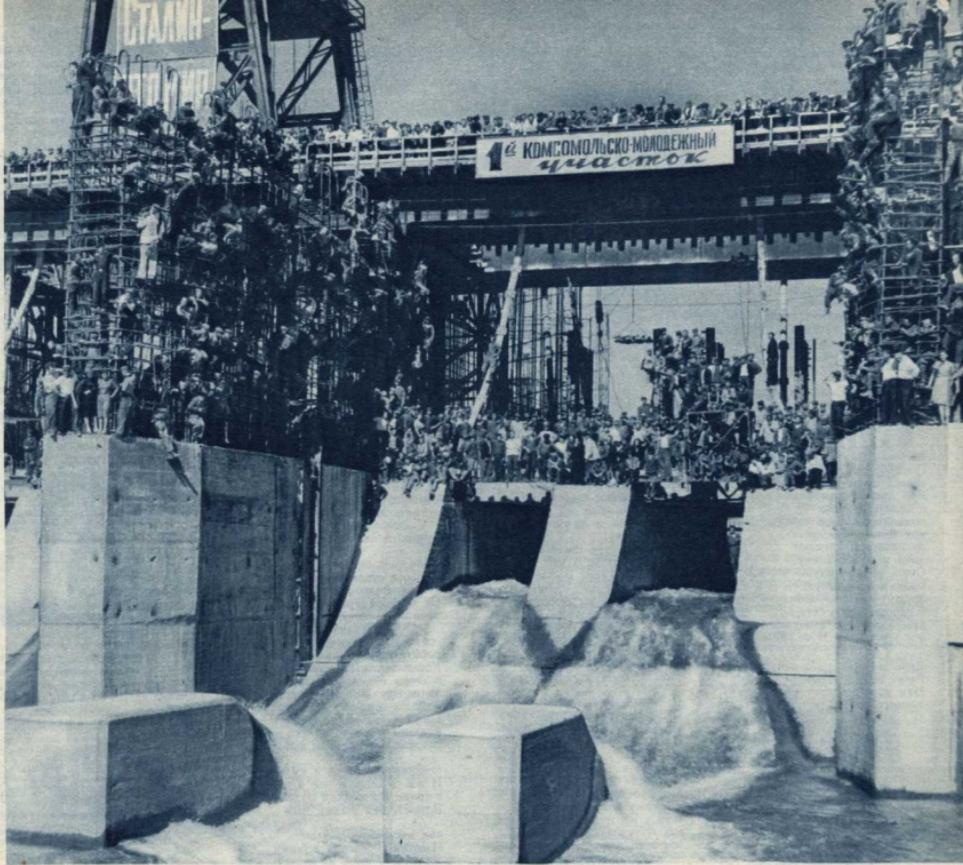
Разные характеры, различные судьбы, но всех их родит, спасает в один дружный веселый, не знающий усталы комсомольский коллектив великая цель создания. Сегодня они явственно ощущают между собой тесную связь. Сегодня у строителей Цимлянского гидроузла праздники. Счастливые комсомольцы высажены на откосе козлована, угощены другом друга конфетами, фотографируются в память об этом дне, а внизу, на бетонной площадке, шумят, пересыхают, словно волны, огромная масса людей. То пришли строители на митинг, посвященный прорыву вод Дона.

С высоты постамента, на котором установлена трибуна, утопающая в цветах, смотрят радостно и вдумчиво родной и любимый человек, чьи гениальными планы изменяют лицо земли... Торжественно и величаво играет оркестр. Бековая мечта русского народа о соединении двух великих рек — Волги и Дона — ныне близка к осуществлению.

Воды Дона подчинились человеку. Они пойдут новым руслом, через бетонную плиту.

Дон пошёл по новому руслу, указанному ему человеком.

Под ликующие взоры строителей открылись шандоры, закрывающие донные отверстия; вода легко и свободно устремилась вниз, по отливам плотины.

Звучит оркестр. Выполнено обещание, данное строителями вождю и учителям. Взлётает в небо голубь, машут крыльями, как бы указывая пальтом своим новый путь донским водам... О радости созидать на болотах мира говорят инженеры, экспериментаторы.

От имени комсомольцев и молодёжи на трибуну выходит Вадим Чирков. Он рассказывает о своих друзьях — молодых строителях, — об их трудовых делах, о готовности выполнить любое задание партии в срок. За короткое время на строительстве было выпущено 48 миллионов кубических метров земли, установлено 57 тысяч тонн стальной арматуры, уложено 900 тысяч кубометров бетона.

Митинг окончен. Отдается приказ: подготовить котлован к затоплению. Последние машины покидают нижний бьеф. Проходит немногим времени, и под ликующие взоры тысяч строителей шандоры, закрывающие донные отверстия, открыты.

Вода, будто она, как и люди, давно-давно ждала этой радостной минуты, легко и свободно устремляется вниз, по отливам плотины; разбегаясь по водорезным зубам,

обтекая их, искрясь и пенясь, она быстро заполняет всё, огромное пространство перед водобойной стеной. Воды выплыли под потолок земли. Воды покорялись она волной через ствол водобоя в одном месте, в другом — и вдруг стремительно, пенилась вниз, заполняя котлован.

Ура! — восторженно кричали вместе со всеми Андрей! Ступни, наблюдая, как змеики донской воды, перебегая по плитам разбросанным, пробирались вперёд, к новому русалу.

— Чему же ты радуешься? — подшутила над другом Вадим Чирков. — Ведь сейчас заслонят котлованы, и ты будешь комсоргом несуществующего котлована...

Андрей ещё пуще стал хлопать в ладоши.

— А вон, — он кивнул головой в сторону эстакады.

На ней, так же как и повсюду, стояли люди, радостно приветствуя новый бьеф.

Многое ещё работавшие у строителей Цимлянского гидроузла! Вместе со всем коллективом молодёжи полна решимости приложить все усилия, чтобы в срок сдать

в эксплуатацию первую струйку коммунизма.

Ночью в рекордно короткий срок было закрыто старое русло Дона — прорвал Гидромеханизаторы начали на этом месте насыпь перемычки — земляной дамбы. Дон поплыл по новому русалу, указанному ему человеком. Весенние паводковые воды заполнили плотину и образуют Цимлянское море. Из Волги в Дон пойдут корабли. Дон даст влагу, жизнь миллиардам гектаров истосковавшейся по воде земли.

Уже на всём огромном пространстве от Ростова до Камчатки Цимлянскими рогами материковыми и распределительными каналами, сооружаются резервные водохранилища и переходы. Прият вода. Засыпает в пустынных садах. Раскинуются необозримые памятники виноградников, риса, хлопка там, где сейчас ленивые орлы — цари степей — сидят на сухих, выжженных солицем курганах... Засыпает сады коммунизма. Это будет так. Это будет очень скоро. Ибо к этому зовёт нас великий вождь, этого желает весь наш великий народ.

Посёлок Ново-Солёновский, Ростовской области.

Мне вся страна — отцовским
домом,
семёй — весь народ.
И всё же тянет к Дону
сильней из года в год.
Города, заводы, стройки,
птичек темы...
Недоступ мне было только
звернуть в родную степь.
В стороне она лежала
Мимо не проходил.
Между тем уже решалась
вся судьба ей в Кремле.
Караидаш — наизготовку!
Где блокнут походный мой?
И теперь командированка
у меня на Дон, домой.

Степь, степь без конца.
Край ты мой полныны!
Пряный запах чебреца,
посланный сухиничным.
В чёрных трещинах земли.
Душно, как в духовке.
Будто медные, звенят
сожжён ржи головки.
Жаркий ветер по полянам
затевает игры.
Вдоль дорог столбами пыли
пробегают вихри.
Степь, степь...

Суха...

голая.

Всё, как на ладони.
Попёк стени легла
трасса Волго-Дона.
Над травой погорелой
и вблизи и вдали
шевелятся краюны стрелы,
как колодези журавли.
Экскаваторы таскают
днём и ночью глину.
Степь речки, а там донская,
скоро земли хлынут!
Хлынут воды по канаву
в оросительную сеть,
чтобы суша не донковала
эти земли, эту степь.

День-дескать мы в пути,
Газик вёрсты кроет.
Нам хотелось бы найти
лучшего героя.

Вот навстречу пареньки.
Мы им очень рады:
— Как попасть в Чапуришки?
— А кого вам надо?
— Мы то ищем Полижиков.
— Спасибо, спасибо.
— И того и другого.
— Поехайте до конца,
до конца лошади,—
вам легко без груза.
Ниче их машина
у пятого шлюза.
Полижиков нам известны.
Передайте им привет.
Машинистов в здешнем месте
лучших не было и нет.
— Разрешите ка узнатъ,
на привет кто так скор?
— А меня Иваном звать.
Д Луганченко Иваном.
Выстро катим по визине.
Разговоры меж собой.
Стоп! Кана! Затормозили.
Экскаватор тут, забой.

Рисунки И. Семёнова

Георгий ГОРНОСТАЕВ

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

ОЧЕРК В СТИХАХ

На машине

два мужчины —
средних лет и помоложе.
Сразу видно: сын с отцом —
до того похожи
и ухватисты и лицом.

Мы к отцу:
— Ва Полижиковы?
— Мы и есть. А что такое?
— Как так что! Восторг
нам сквозил, мы герои.
Нормы второе перекрестили,
всё, что задано, прорвали.
— Так-то так, конечно, роем,—
удымаются он в усы,—
да какие ж мы герой?
Может, Витыка скажет, сын?

Руки Виктор вытер паклей.
— Говорят, герой... Так ли?
Прав отец. И очень просто!
В чём же тут геройство?
Мы канал на совесть строим.
Этакие же бороды!

Но какие ж мы герой?
Мы простые люди.
А скажу вам без обмана,
есть у нас герой-водитель.
Вы Луганченко Ивана —
вот кого найдите!
— Как? Луганченко? Дружок,
вам привет сердечный.
Вот ведь как — и невдомёк,

кто твой первый встечный.
— Да привет сто раз спасибо.
А Иван — в герон гол!..
Экскаватор землю ссыпал
и опять наполнил ковши.

Степь, степь.

Миражи.
Неба синь бездонна.
Попёк стени лежит
трасса Волго-Дона.
От великой русской
реки

до Калача —
по всей трассе-руслу
работа горяча.
Когда здесь Паудюса были,
в степи гудяла смерть,—
одних орудий только было
по тысяче на километр.
Сегодня тут не меньше стали:
машин миря точно так
сплошным железным фронтом
встали,

стянувшись техника в кулак.
И все в ходу, и всё в движеньи,
в труде бойцовский подвиг пыл.
Плыёт, как рыжий дым
сражения,..

иад экскаваторами пыль,
И сотни скреплеров жуками
ужужат у дамб на берегу.
С землей, бетоном или камнем
грузовики бегут, бегут.

Моторов шум разноголосый.
Канал уже прорыт вчера.
Идёт мощение откосов,
буры срезаются на дне.
Чуть-чуть мечты, воображенья,
глаза ладонью лишь прикрыть —
все в камень сооружены.
Камни со звягом должны быть.
Лампасы воды. Вода качает
шад плоском матчи корабля.
Гулок. Дымок. И хрики чаек.
Вокруг цветущие поля.
И я на плачу венесуо,
и на ве сне, а наизу
на берег моря под Цимлю
в станицу к дедушке плыму.

Наверно, я, благополучно
спустился бы по плазам в Дон,
когда б как раз на этот случай
не допуши газика баллон.

Мы стали kleem latki масать,
чинить резину в том же час.
Вдруг на шоссе колеса МАЗА
остановились возле нас.
Что это за машина?
Эх, вот это да!

В лебедах вся кабинка.
Лебеды в два ряда.
В стени дороги веером,
она прошла по всем,
а будто лишь с концепера —
новая совсем.

Кто в ней спозаранку

за рулём-баранкой?

Кто решил наездить

из выпуки с ветром

без ремонта двести

тысячи километров?

Открылись двери:

— Не помочь ли вам?

Глядим — глазам не верится:
Луганченко Иван! —
А герой ты, дружице! —
сами лейкой щёлки, —
мы героя ищем,
а он себе молчок.

Рассмеялся
водитель
Волгодонстро:

— Значит, вы меня хотите
записать в герой?
Что ж, Луганченко Ивана
чуть на автобусе,
только я в соревновании
товарищам обман.

Ба!
Друлья! —
и, счастьем высвечен,
кинула на сидонетом:
стоцентидесяткаческий
пройден километр.

С краской взял жестянку,
достал кисти,
дверцу трапкой
от пыли очистил,
по трафарету-досточеке
из птичкоческим вырезом
пятнадцатую звёздочку
старателю вырисовал,
И сказал, любясь авой
новой машины.

Получиться б малость,
вот тога я бы герой.
Семёновка — что? Пустяк!
Лишь одно название.

Прикинешь так, прикинешь сяк —
мне by высшее образование!
Возьмите, товарищи,
такой пример:
на большом —
шагающим

кто у пуль?!

Инженер!

Мой герой не за горой,
до него подать рукой.
Есть Гридиб в Бодорадзеле,
он герой на самом деле.

Снова газик наш затрясся
по неровному гудрону.
Дальше, дальше вдоль по трассе,
стрем раскинулся открыто,
Широко и плоско.
Вот, бывало, вспышь жito
с дедовой пылесосом
путь с кочками в станицу длинный,
ездить можно на арбе.
машину, машину хвостиной:
— Чоб-шибе, чоб-шибе!..

Ни дымка от паровоза,
ни машины встречной,
только тень ползёт от воза
да трезвон кузнецкий.

А теперь такая стройка
и вокруг такой концерт,
будто бы ингредиент,
тут в стени, всей жизни центр.

Техника — моя любовь.
Ух, какой красавец!
Ковш, что триждынадцать кубов.
Как он в стень втыкается!
Что ни взмах — вагон земли
наверх поднимает.
Ты же, я, друзья мои,
дело поможем.
Вот гудят стены завод,
рослы, тяжкий, дюжий.
Перед мной и небосвод
стад как будто ёже.
Роет, роет — отшатнёт,
перекинет лыжи.
Окончание работ
с каждым шагом ближе.
Чье же он руке покорен?
Кто, воинство будо,
стрем добре, наставил горы?
Кто слыт в пульта?

Мы электрика спросили,

тот кивнул на будку:

— Инженер Гридиб Василий.

Вася, на минутку!

На стене в моторном зале
два динамика висят.
Баруг динамики сказали:
— Не мешайте, мне нельзя...
Шаг!

Внимание!

Порции выжаты!
Не зевай, ребята!
Прослезеть за правой лыжей!
Подкинуть канаты!

И подходит склоновой
экскаватор отшагну.
К монолиту внова
Гридиб голову нагну:
— Извините. Но простой
не спущусь причине:
непостижен простой
на такой машине.

В рупорах нетротильный смех:
— Раз такое дело,
вы ко мне сюда, наверх,
запасайтесь смехом.

И во лесенке кругой
поднимаемся к Ваксе:
— Безусловно, вы герой,
вы герой на трассе!
— Я герой? Неловко даже
мне от ваших слов.
Не одни я в экипаже,
много тут орлов.
Только что... Вот в Береславке
есть одна дичинка,
вот её извоз, прослав'ка,
вато что младожена!
Интересная работа

Она
аварийные ворота
выстроить должна.
Героиня, право слово.
Инженер, руководитель.
Вы Евфимия Белову
обязательно найдите.
В Береславку путь недалёкий.
Тут же собирайтесь.
— Ну, счасно, до свиданья,
если точный адрес.

Вечером.
Мяты запах
по-настоящему тонкий.
Дальше катимся на завад
солнечику вишни.
Листва виши, гидроузел,
вершина притянет
и насосная у шлюза —
Береславка это.
У Выбарвского моря —
кладовая запасных вод —
попёкер канала
створы
заградительных ворот.
Широко лежит рибериба,
берега крепки в бетоне.
Все готовы. Самые первые
само объект... Волго-Дон.
Вонта краиня заклёпки,
и последний сварен шов.
Ждёт комиссия.

К лебедкам
старинный мастер подошёл.
Он включил рубильник —
взвыли,
искры брызнули моторы.
Глухо дрогнули, поплыли,
разошлись по рельсам створы.
Спрятались в пазах прибрежных.
Цепи смыка напряглись —
створы вновь на месте прежнем,
перекрыв канал, сошлися.

На закате всё ярово —
стрема в бетон.
На мостке стоит Болотов.
Вдаль уходит Волго-Дон.
Поправляет Фаля локоть —
ты теперь еб не трохи, —
на перила ставит локоть,
подбородок на ладонь.
Видно, вспомнилось о многом
инженеру в этот час.

Дни в заботах и тревогах,
ноч в прожекторных лучах,
ноч бесстрашного аврала,
лихий, паводок, бурян...
Ночь... Сядь на сено, вспомнилась
из Чернобыля в котлован.
Ночь... В воде по колено люди.
Экскаваторов свистки.
Вес несут, несут к запруде
с глиной скользкие мешки...

День припомнись, мы знаем,
в память врезался он всем:
молодым вручили знамя
от ЦК ВЛКСМ.
В клуб людно, в клубе праздник.
Подзравляем — рекой.
И она под шёлком красным
дергит знамени древко.

Мы стоим в стороне скромно,
а потом — за неё вслед:
— Вы, Евфимия Петровна,
героиня, спору нет!
— Спору нет, я в воспорю
и вину без прокрия:
дело делал, мы спорим
только есть и лучше нас.
Что ж, побудили мы успеха,
и успеху каждый раз,
но советую поехать
к Дону вам, в смениард.
Там герой — это да!
Ими трасса вся горда.

Газик, газик, постараися,
путь далёк, а ты стерпи.
Ночь раскинулась над трассой,
ночка летняя в стени!

Или это только снится?
Нет, я вновь в родном краю.
В тихих сполохах заринца
я родное узнаю.
Небо вывезлило.

Звёзды
эти в мире всех ясней.
А в стече густые гнёзда
закицелили огней.
И люблюсь я пожаром,
хороводом звёзд.
Вот вонта уже Столбари,
и задрап оглоблю Воз.
Руки за голову, ноги
друг на дружку —

Млечный Путь,

как казак среди дороги,
растянулся отдохнуть.
Он в небесном оконце
из коня в конец простёрт...
Едем.

Видим: у куртана
весело горят костры.
В темноте кромешной степи
вокруг костра лиши яркий свет.
А в огонь буряка стебли
всё подклиняются дед.
И быков тут пара пегих
развалились на земле.
Туша лодки на телеге,
красный отсвет на смоле.
В казанке со скваркой каша,
что давно мы её едли.

— Здравствуйте, спасибо!
— Спасибо, дяденьки,
Прощу к пашали.
В самый раз послез кулешник.
А какой вас, я спрошу,
по ночам гоняет леший?
— С ног сегодня прямо сбились.
Мы героев ищем, дед.
Что ж они запропастились?
Стало быть, героев нет?
— Да не выбрали покуна.
Но подскажите же порой?
— Не подскажи. Мечи худо.
Подзравлять бишь? Я герой.
Я в стени — это раз находка.
Надея бы ко мне дэнио.
Что в телеге — лодка?

Лодка.

То-то, холопы, и оно!
Жил в стени, с засухой спорил.
Так дошло и до меня!

Море скоро будет, море
у порога куреня.
Со старухой маракаем
и толкнем с ней одно.
Море? Так заморякуем.
Вот везу тебе судно.

Берегись-ка деда, рыбка!
Пусть волна идет горой.
Вы теперь сказать могли бы,
я герой или не герой?

Занялась над степью зорька.
Распрощалась с дедом.

Степь огненная зарка,
далыши едем, едем.

Поэтому слегка спозна.
Я наивный папа-папа.
Вдруг блеснула кроина саблевой
перед нами тихий Дон.

Здравствуй, Дон, отчий дом!
Жди в полны газик.

На яру стояло крутом,
кепку бросил на землю,

Как пекаски поседел!
Дон Иваныч, друже,

Что ж ты так пообмелел,
стал намного уж?

Если дать пустыню волю,
то совсем забудешь.

Только мы не позволим,
свои стягии морям.

Потери немного, Дон,
поведешь в то лето

корабли со всех сторон,
со всего, брат, света.

На заре ленивый граниет

хор
над синей водой:

— По морю гулает,
по морю гулает,
по морю гулает

казак молодой!..

Так стоял, дружбы далью.
Любимый чайки
то и дело пролетает,
спрашивая: «Чьи вы?»

«В путь пора! — в бурные рядом
переплыкала ссылька.

С самон деде, уз изрядно
солдышко пригрело.

В путь пора, в путь пора нам!

Между сизым инюком,
по пескам, по жухлым травам

покатили прямиком.
Шофф ход включает полный,

и впереди
где качается на волнах
меж памятных дамб,
как корабль с житием матросским,

чудо-агрегат,
землемеский комсомольский
ночер «Эфть» спиряд.

Днём под нестерпимым солнцем,
ночью — дун во мглу —
метр по метру комсомольцы
двигаются в глубь,
в глубь сухих степных просторов.
По пятам идет вода.
Неумолимый гул моторов
ветерок уносит вдали.

В дно вгрызаются фрезы.
В трубы гонят жидкий грунт.
Берег рушится с зоозой,
пена взбита вокруг.
И канал всё шире, глубже,
выше тело ламбзы...
— Эй, на землянке, слушай!
Перебраться на бы.

По шипучей пене —
весьла будто в мыле —
мы к стальным ступеням
в лодке переплыли.
Поднимаемся на борт.
Тут кипит работа!
Вот и кубрик забыт
и мы въехали в Бондарев.
Он консорг из Бенсаария
и электротехник.
Мы идем с Сергеем рядом
по палубе верхней.

Постойте у мытии он
и сказал, подумав:
— Как законим Волго-Дон,
так и в Кара-Кумы.
Пусть бы наша спиряд прошёл
тот песок смытый.
Трудно будет — хорошо!
Где трудней — там лучше.
Обсудили это толком.
Лишь бы нам приказ был.
По каналу прям в Волгу,
и по Волге в Каспий.
Все ведь стройки коммунизма
сердце нашем бьют.
Мы расщепим новой жизнью
и туркменские песни.
— Да, Сергей, пусти так и будет!
В вашем экипаже
героические люди,
ничего не скажешь.
— Может быть, — сказал

Сергей.—

вы, товарищ, правы,
только трудимся, ей-ей,
мы впереди, ей-ей.
Мы-то что! А я вот знаю
экспозиториков тут.
Не сравнят, конечно, с нами.
Вот у них — геройский труд.
Те уж — да, в земле торпились.
Роют — так уж рожают!
Сорвиваются с Борисовым,
с тем, что с Гидростроя.
В этом весь интерес.
Понярлык! гор!
Тот на Волге, эти здесь.
Что же такое рекорд?
Как опять, так подравнялся
по героям этим.
Разожгли огонь на трассе!
Их виды и приметы.
— Кто же такие? Далеко?
Да скажите, наконец!
— Это Виктор Поляков
из Чапуриков
и его отец.
— Здравствуйте! —
Я так и сел
на канат-призрак.
Или тут герой все,
или все — начальца.

Блохновенный труд людей
сталинской эпохи, их неутомимая
энергия и стремление идти вперед,
от успеха к успеху, победе к победе, воспеваются многими
авторами. Пусть это делается еще
и всегда умело, но всегда с большим
чувством и звантворением.
Жаждущие написи дней, пишет Н. Джетыкашевая:

ГОЛОС СЕРДЦА

ОБЗОР СТИХОВ

Каждый новый трудовой успех
на Волге, на Дону, на Днепре и
в Кара-Кумах вызывает законную
радость советского человека.
Выражая чувства многих, молодой
адыгейский поэт Киримзе Жанис
пишет:

Когда над Волгой, над Днепром
встает леса
великих строк,
то радость в них заходит дом,
волынет сердце,
бьет ключом...

(Перевод И. Спелова)

Кипучие дела радуют молодых поэтов, радуют потому, что укрепляют нашу Родину, делают жизнь с каждым днем все более счастливой. С самой любовью Игорь Мартынов (г. Иваново) восклицает:

Родина!
Отчизна дорогая!
Сколько славы в имени твоём!
Сколько задушевных слаг,
Мы о жизни радостной поём.

Наша Родина является мощным оплотом мира, светочем, надеждой для простых людей всего мира. Об этом пишут в своих стихах москвичи, учащиеся РУ № 47, А. Чечников, пишущие пантомимы на Красной площади в честь Дня города Москвы. Они говорят о борьбе против угрозы новой войны.

Не позволим злобной вражды силе!
Разрушить то,
Что народ создал! —

восклицает студент Анатолий Иванов (Ташкент).

О непобедимой силе идеи Ленина — Сталина, поднимавших народы земли на борьбу за счастливое, светлое будущее, за мир, за коммунизм, рассказывает в своих стихах москвич И. Никишин, М. Тихонова из Львова и другие.

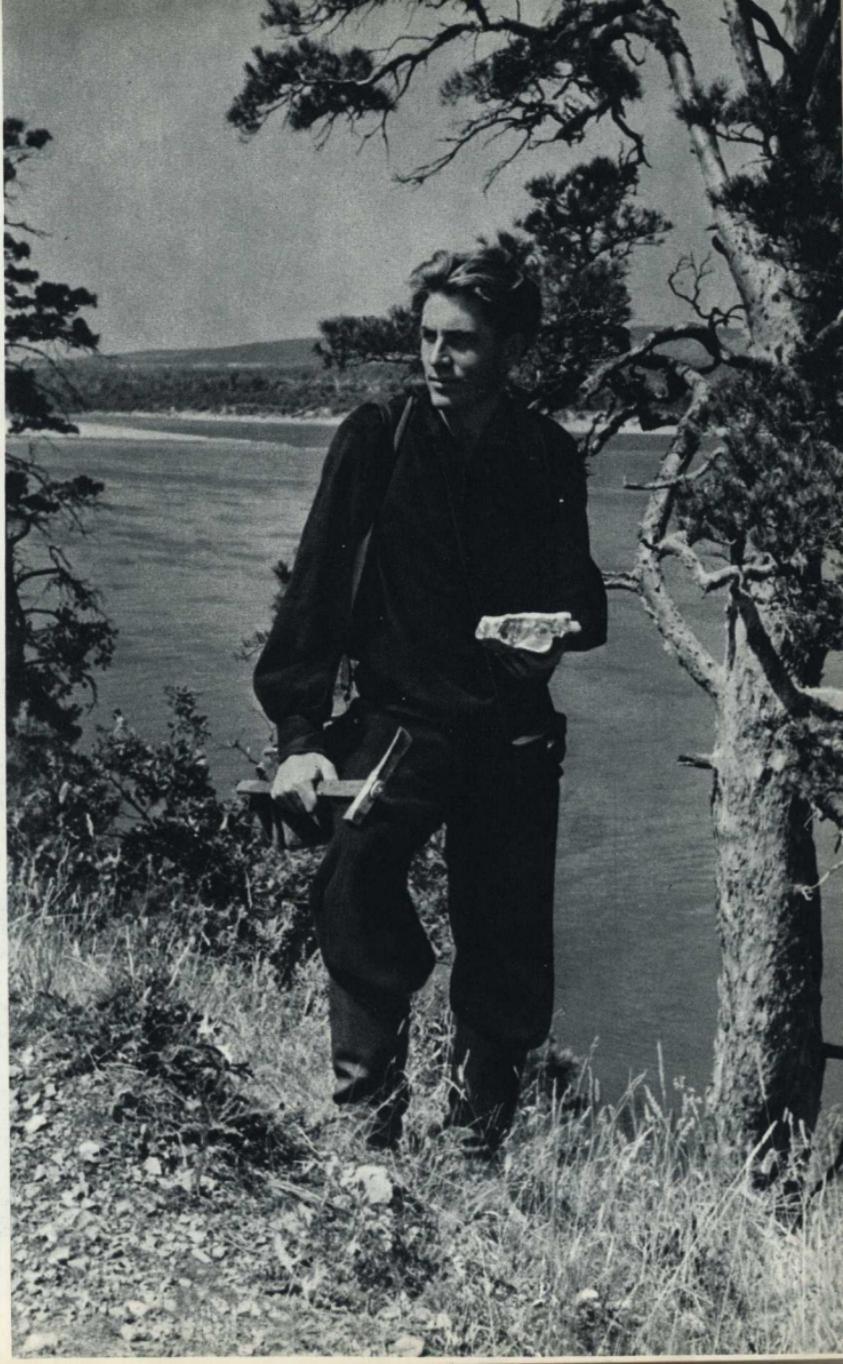
Самые светлые чувства, самые сокровенные мысли в эти дни обращены к великому Сталину. Неискоренимой любовью наполнена каждая строка стихотворений о вожде.

Работники редакции газеты «Молодежь Молдавии» Евгений Гольдберг прислал поэму «Над борьбой вождя». Заканчивается поэма словами о том, как народы мира прислушиваются к спокойному голосу великого человека, имя которого стало знамением мира. О Сталине пишут М. Бурбузил из Кириши, Вадим Батлев из Кировской области...

Со всех концов страны приходят письма, в которых советские люди выражают свою любовь к Родине, товарищу Сталину. Это — голос миллиардов, голос сердца.

Круглые сутки не затыкает работы на берегах Ахтубинского Волги. Сюда пришли тысячи юношей и девушек со всеми почестями страны. Человек отдать дань, на своих отечественных участках, Трудится Консультантами, Начальниками, Техниками, Молодой погоды новосозданной Куйбышевского гидроузла.

«Знатная профессия».

Л. Хайлов,
студент Московского художественного
института имени В. И. Сурикова.

ОБРАЗ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Беседа с директором Московского государственного театра имени Ленинского комсомола том. Я. Ф. Рыжиковым

Фото А. Гладыштейна

Наш театр начинает свой двадцатый четвёртый сезон в знаменательные дни, когда весь советский народ единодушно поднимается под Обращением Всемирного Совета Мира. Каждый член нашего дружного коллектива, ставя свою подпись под Обращением, по-лог римостишь ещё ярче, доходчивее нести народу самые светлые идеи человечества.

Театр носит имя славного комсомола. Это ко многому обязывает. Основная задача театра — показать в сценических образах гордость и наядку Советского государства, нашу замечательную молодёжь, её наклоненный труд, богатство духовных сил, её лучшие, генические черты.

Решение над которым мы будем работать в этом сезоне, это главным образом мысль о советском молодом человеке — строителе коммунизма.

Наш новый спектакль «Честь смолоду» (по однотипному роману А. Первеницева) московскому зрителю еще почти не знаком. Его премьера была показана только в конце прошлого сезона.

Перед зрителем проходит жизнь крестьянской семьи Лагуновых, её славных лет. Представитель старшего поколения Иван Лагунов к гражданская войне защищает Царицын, а потом становится одним из организаторов колхозного движения на Кубани. Младшее поколение — семья сына Сергея Лагунова, сестры Аня, — его спутники Виктор Некоха, Люся, Яков Волынский начинают свою сознательную жизнь в мирной обстановке и потом с честью проходят через тяжкие испытания Великой Отечественной войны. Дети тех, кто защищал Царицын, доблестью отстаивают Сталинград!

Первой премьерой сезона, которую мы покажем в октябре, будет пьеса Н. Рожковой «Сыновья Москвы». В ней рассказывается о новаторах производства, о работе за новое в труде, о людях, которые коммунизм. В центре пьесы — семья потомственного кузнецкого Александра Дорожкина.

Театр работает над пьесой в дружеском контакте с коллективом Московского автозавода имени Сталина. Пьеса читалась и обсуж-

Артист Г. Каринович-Балава в роли Петровского («Дети Авроры»).

Спектакль «Честь смолоду» в постановке Театра имени Ленинского комсомола. Сцена из 1-го акта: Люся (артистка И. Шутова) и Сергей Лагунов (артист Н. Емельянов).

Сцена из спектакля «Восходит солнце». В ролях: Ванни Егоров — артист М. Пуговкин, Кечала — артист Ф. Заславский.

далась в кузнецном цехе завода. В этом спектакле о молодых рабочих занята в основном творческая молодёжь нашего театра: Андрей Дорожкин играет М. Пушкини, Петра — В. Егоров, Батанова — И. Каринович-Балаву, Зорина — М. Лилюшину.

М. Пушкин — залоговый, очень работоспособный актёр. Он задался в театре одно из величайших мест и занят во многих спектаклях. В пьесе «Восходит солнце» он рабочий-большевик Иван Егоров, в спектакле «Особняк в переулке» — капитан Кузовков, в «Чести смолоду» он играет главную роль — Сергея Лагунова.

В этом сезоне будет показан также спектакль о шахтёрской молодёжи. Драматургом М. Блейманом написана пьеса по мотивам нового романа В. Голубкова «Донбасс». Она называется «Красные Марии».

Кроме того театр работает с молодым драматургом И. Ленинским, помогая ему в создании его первой пьесы «Поклонение счастливых». В пьесе говорится о комсомольцах и молодёжи строительства Волго-Донского канала. Наше желание — рассказать со сцены о сегодняшнем дне советского молодого человека — участника грандиозных строек коммунизма, активного борца за мир во всём мире.

Среди лучших произведений классической литературы особое место занимает роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Театр имени Ленинского комсомола взял на себя трудную и интересную задачу — дать сценическую жизнь произведению великого русского писателя-демократа. Роман «Что делать?» ин-

сциенирован С. Заречной. Это одна из основных работ театра.

Начиная работу над каждой новой постановкой, мы уделаем много внимания выдвижению молодых актёров и творческой работе с ними.

Мастера старшего поколения И. Берсенев, С. Гиацинтыча, С. Бирман с большой заботой и вниманием относятся к растущей смене. Репетиции часто имеют значение урока драматического мастерства.

Десять молодых актёров, окончивших в прошлом году студию при нашем театре, вошли в состав труппы. За последнее время команда снова пополнилась новыми актёрами. Из Театрального училища Е. Шукшина пришли Ю. Лилюшин, Л. Лисецкая. Принят С. Яковлев, выпускник драматического отделения Училища имени Гнесиных.

Примечательным для нас был недавний смотр театральной молодёжи Москвы. От Театра имени Ленинского комсомола в нём приняли участие двадцать три актёра. Шесть из них прошли в третий тур смотра, и трое были премированы Комитетом по делам искусств. Это Г. Каринович-Балава, Р. Маркова и Т. Басова.

Кадры нашего театра постоянно пополняются за счёт талантливой молодёжи приходящей на профессиональную сцену из художественных училищ. Выдвижение молодых исполнителей — установившаяся традиция театра, первым творческим составом которого была рабочая молодёжь, пришедшая с московских заводов и фабрик.

На другой день после приезда Андрея мы поженились, а потом, прямо из Сальского заезда, отправились на вокзал. Решено было провести отпуск не на курорте — хотя самые лучшие курорты были рукой подать! — а поехать, куда глаза глядят, и жить, где придется, не загадывая вперед дальше, чем на день. Так мы попали в Корсевск, маленький городок на берегу Азовского моря, только потому, что Андрей захотелось посмотреть Синаш. Но загадывая, мы не могли не знать, что Синаша, а не проплыв, сопровождавший Салак с Азовским морем, и самое неинтересное, что мы увидели в приятном, чистом городе, был именно этот проплив, в котором — не помню, почему — нельзя было даже купаться.

Загорелый усталый рыбак, подняв под себя ноги, сидел на скамье подле перенёрнутой лодки. Андрей почему-то решил, что этот рыбак — участник геройической переправы через Синашу во время гражданской войны, и подъехал было к нему с новозаводским вопросом. Но рыбак оказался приезжим, из Бердянска, и хотя, как вскоре выяснилось, принимал участие в гражданской войне, но скромное... служил кашеваром.

— А далеко отсюда до Бердянска? — спросил Андрей.

— Около соток.

— На пароходе?

— Да.

Андрей посмотрел на меня с торжествующим видом.

— Ты можешь ли в Бердянск? А?

— Махнули.

— Когда отправляется пароход?

— Ушел сегодня утром.

— Ушел! — закричал Андрей с таким ужасом, как будто он всю жизнь собирался в Бердянск. — Черт возьми, какая неудача! А на лодке нельзя добраться до Бердянска?

Я приснулась. Он спирело взглянул на меня.

— На лодке? — переспросил рыбак. — Не знаю. Я лично не возьмусь.

— Почему?

Рыбак подумал и лениво усмехнулся в усы.

— Шекотливая идея, — сказал он. — Закрытия не найдётся?

Андрей отдал ему свою папиросу, и мы ушли, потому что я сказала, что не поеду на лодке в Бердянск — меня укачает.

За обедом — мы зашли в кафе — самым вкусным блодом оказалось помидоры, маленькие, розоватые, необычайно душистые. Потом куда бы мы ни приехали, я всегда спрашивала эти помидоры. В кафе не было никого, кроме нас.

«Я забыла», — так говорил на Андрея глаза, когда он начинает говорить о помидорах с уважением. Когда я думала о нём, он представлялся мне усталым, покухевшим, таким, каким я видела его в Ленинграде. А он приехал загорелый, весёлый, и не задумывался вслух о том, как было, а, напротив, твёрдо, определённостью, честотой. Всё как бы определилось в нём, и даже расстянутый белокурый ёжик волос под высоким лбом тоже определился и стал какой-то прямой, аккуратный. И смеялся он стоя по-другому, во весь рот, так что становились видны белые, ровные зубы. Так и казалось, что для него нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить последовательно, толково, ясно. Но это из отчёльности, определённостью вдруг становился виден мальчик, некогда составлявший таблицу вранья и беспощадно разоблачавший сложные отношения взрослых.

Так было, когда мы заговорили о его будущей работе: ему предложили интересную работу в Москве, в противонадилическом отделе гвардии.

— В сущности, я думал об этом всегда. — Он замолчал, и я увидела по его глазам, что он мысленно уходит от меня, от всего, что нас окружает. Или, точнее, с того дня, когда в Лопахине пропали головающие Поволжья и мы с тобой «жарились» над платой армии и рубашки. Я тогда впервые подумал, что, может быть, больше всего мне удастся сделать в эпидемиологии, то есть в борьбе против общих, а не единичных несчастий. Ужасно хочется, понимаешь, сделать много. А тебе?

— А мне хорошо, хоть и мало.

— Не сошлись характерами, — развел руками, скорбно отозвался Андрей.

Мы вернулись в гостиницу, заслонили в свой номер, выяснили, что в нём очень душно и что наши дорожные мешки висят на своих местах, и снова отправились бродить по Корсевску, разговаривая о завтрашнем дне, потому что сегодняшний уже клонился к закату.

Где-то близко от Корсевска находился знаменитый заповедник Аскания-Нова. Но в Аскании нужно было ехать поездом, а мне почему-то не хотелось ехать поездом, и, разыскав извозчика, — кажется, это был единственный в городе извозчик, — мы стали уговаривать его довезти нас до Аскании-Нова. Очень скоро выяснилось, что это вадор, но мы сдались, только когда извозчик — добродушный старый еврей — покзал нам свою бричку, на которой не чаял довезти нас и до станции, не то что до Аскании-Нова. И вечером, в десятом часу, на этой бричке мы отправились на станцию, находившуюся от города километров в семи.

Вечер был тихий, но не душный, и когда мы выехали в степь, стало казаться, что все это уже было когда-то. Вонзина тихонько пел-формировал какую-то еврейскую песню, последний краски засады горели перед нами, красные шапки татарника вспыхивали в высокой траве, и тесная бричка, поскользнувшись, катилась по мягкой дороге.

Сиденье было неудобное, и Андрей крепко обнял меня за талию. «А то выпадешь, — смеясь, сказал он; — и ники ветра в поле».

...Он спросил откуда я издалека: «Спинь?» Я поцеловала его в

В. КАВЕРИН

О любви

(Глава из второй части романа
«Открытая книга»)

щёку, положила голову на плечо, и полузабытый сон медленно прошёл перед глазами. Вот я еду куда-то с ним, не знаю, с кем, с тем, ком, что люблю. Тихо вокруг, мягкий ветер клонит траву, бесшумно ходят над степью. Мы едем... Куда? Не всё ли равно? Лишь бы долго ещё старый вояница-епрэ бормотал свою протяжную песню до мигки фонтанчики пыли выпадали из-под колыпей. Лишь бы долго ещё спирала и слова от нас проплыли высокие душистые травы и сны, мигая сияющими глазами, сидели на телефонном столбе. Лишь бы долго ещё свет от единственного фонаря, который зажёг наша возница, бежал рядом с нами — это было же любопытно. Но он был рядом со мной — тот, кто я люблю... Но он был рядом со мной!

Вот я наклонилась, чтобы спрыгнуть в ногах — под сиденьем было слишком просторно, и ноги болтались. Вот, не разгибаясь, спросила моя: «Теперь убоди, Таниша?» — я сверху увидела его добреё твёрдое лицо. Вот заговорила о чём-то — и замолчала, только тихонько поцеловала мою руку, почувствовав, что мне не хочется говорить, а хочется думать о нём, о нас. В сумраке, ладыгиваясь с каждой минутой на притихшую соня, он казался таким молодым, совсем мальчишком, в своей серой кепке, сдвинутой на затылок.

Мы достали только жёсткие бесплаткарные места, и вагон состоял из какой-то странный, с очень широкими двухэтажными нарами, на которых было удобно лежать, а сидеть неудобно. Зато он был от первого пустой, без сомнения, именно по этой причине! Проводник поставил в фонарь свечу и ушёл. Потом кто-то закурил от свечи, не заметив, что мы сидим на нарях, как турики, с поджатыми под себя ногами. Потом какая-то женщина развязала nossовой платок под фонарём, оглянулась, сосчитала пятьдесят узлов и тоже не заметила нас. Это было забавно, как будто мы сидели в то же время и существовали и не существовали на свете. Потом отгорюч погас, но в вагоне почему-то не стало темнее...

— Ты даже не представляешь себе, как ты изменилась?

— Очень. И эти перемены можно выразить, как ни странно, одной фразой. Ты была человеком размыщений и чувств, а становишься человеком поступка. Можно тонко чувствовать и много размышлять, но...

— Понимаю.

— Что тебе пишет Николай Васильевич?

— Он пишет, что он рассказал Никольскому о монх святящихся вибронах.

— И что сказал Никольский?

— Что я молодец.

— Ты, кажется, спишь?

— И не думаю.

— Не спи, покажуйста. А то и я засну, — сонным голосом сказал Андрей. — И мы уедем чёрт знает куда.

— Ты же так и хотел. А в мае будущего года в Москве состоится конференция, и Николай Васильевич обещал поставить на одной из секций мой доклад, о святящихся вибронах.

— Да что ты говоришь! И об этом ты мне ничего не сказала!

— Некогда было.

Андрей засмеялся.

— А с конгрессом не получилось?

— Нет. Ясно только одно: мои холероподобные относятся к ней разношерстно. Думаю, что и холерные тоже. Но что-то здесь есть.

— А помнишь, ядя Павел пытался кормить кур заплесневелой кашей?

— Нет.

— Зажечь свечу?

— Нет.

— Сказать, что я люблю тебя?

— Да.

Мы разговаривали, пока я всё-таки не уснула, положив голову на широкую твёрдую руку.

...В Аскании мы позавтракали у ларька арбузом с белым хлебом, и это было так вкусно, что я забылась и облизывала пальцы, — постуки, о котором я пожалела, потому что Андрей издавался надо мной пельдей.

Главный дом заповедника был очень приятный — белый, с просторным крыльцом. В глубине двора стояли хозяйственных постройки — под черепичными крышами, отделявшими по краям белой же черепицей. Вдоль газона, разбитого перед главным домом, росли какие-то невысокие круглые густые деревья, и всё вместе производило впечатление чистоты и уюта.

— Вот бы дала нам комнатку в этом доме! — сказал, поднимаясь по лестнице, Андрей.

— Ну, а это уж просто как в сказке «Три желания», — сказал он через четверть часа, когда занавес дал нам маленькую, но светлую комнатку именно в этом доме.

Ещё в поездке он вспоминал, что асканийские зоологи поставили перед собой задачу вывести новую породу зуру-бионоз, и теперь с газоном азартом приились объяснять мне все тонкости этой задачи, что продолжал говорить даже, когда, переехавши, я выставила его в коридор.

Но вот мы вошли в асканийский парк — и что же это был за великолепный, тенистый просторный парк! И что за наслаждение было бродить по нему с Андреем, который рассказывал об Аскании с такими подробностями, как будто прожил в ней всю свою жизнь!

— Прочёл одну-единственную книгу, — смехом, отвечая он, когда я изумлённо спросила, откуда он знает, например, что заповедник сла-

вится так называемым Большим загоном, в котором звери живут на свободе. — И притом детскую. Издание Детгиза.

Но на научной работе в Академии, которую он обрисовал хотя в общих чертах, но с полным знанием дела, ведь не мог же он прочитать в издании Детгиза?

— А это другой, более серьёзный источник. Здесь в прошлом году работал Ковшов. Слышала о Ковшове? Превосходный зоолог. Мне о нём много рассказывали Митя.

Он искоса взглянул на меня, точно хотел уvenir, какое впечатление произвёл на него мой рассказ о Митиной жизни.

— Вот хорошо, что ты заговорила о Мите. Расскажи мне о нём.

— Я еле застая в Москве. Он в Ялте. Задел отсюда в Ялту?

— С удовольствием. Мне очень хочется его повидать.

— Мама была одна, так что я знаю не хуже только с мамиными словами. В общем, она огорчается.

— Почему?

— По многим причинам. Она считает, например, что он мог бы

никогда ложиться раньше, чем в три часа ночи.

— Много работает?

— Очень.

— Глафира Сергеевна с ним?

— Да, к сожалению.

Когда Андрей седился, он начинал немножко косить. Так стало и сейчас.

— Была мне с ним, — сказал он, вздохнув. — Ведь он умён, честен, талантлив. Как нечувствовать эту душевную пустоту, эту ложь... Ведь она лжёт ему на каждом шагу! Где бы я видел, что она просто ставит на него, как ставят на карту?

— Он видит, и чувствует, и понимает в тысячу раз больше, чем мы.

— Ты думашь? Где почему же...

— Потому что он любит её.

Андрей покрасил щеки.

— Любить такую женщину, — сказал он, — это значит любить самые темные стороны собственной души. Те самые, которые нужно беспощадно вскрывать и не просто вскрывать, а с применением новейших аспетических средств. Это не любовь, а болезнь воли.

Мне вспомнилась Глафира Сергеевна, пополневшая, с тяжёлым, исподволь взглядом, и рядом с нею Крамов, величественный, бледный, в преклонном возрасте, под которым чувствовались узкие плечи, тонкие ножки.

Андрей, мне давно хотелось сказать тебе... Я хочу, чтобы между нами не было ничего неясного ни в настоящем, ни в прошлом. Может быть, я должна была рассказать тебе об этом сразу же после того, как узнала, что ты любишь меня.

Я замолчала. Потом начала: «Ты помнишь?...» — и опять замолчала. Мне казалось, что я ничуть не волнуюсь, а между тем почему-то трудно было вздохнуть.

— Но теперь это стало уже невозможн... Тебе, когда и я люблю тебя, — сказала я шёпотом, потому что мне было неволово и страшно называть словами то, что произошло и происходило в моей душе. — Помнишь, когда ты уезжал из Ленинграда в прошлом году, я нашла тебе записку и сказала, что не хочу, чтобы ты уехал, не простившись со мной?

Андрей кинул.

— Я тебе сказала тогда: «И есть ещё другая причина, о которой я тебе когда-нибудь расскажу».

Андрей снова кинул. У него было серёзное лицо, и он слушал, не сидя с меня ожидающего, тревожного взгляда.

— Эта причина заключалась в том, — продолжала я, нарочно твёрдо выговаривая до конца каждое слово, — что я тогда была влюблена в Митя. Я знаю, что в тот день или даже в ту минуту, когда почувствовала, что влюблена, мне нужно было бросить всё и вернуться к тебе. Не для того, чтобы сказать, что я люблю тебя, — тогда я тебя еще не любила, — а для того, чтобы объяснить, что происходит со мною. А я не только не сделала этого, а, наоборот, всё время мне было страшно написать тебе, что я предела, и я хотела этого и не могла заставить себя написать тебе об этом слово.

Задыхаясь, сказала, что, будучи во парке, мы встретили чёрнокожего мальчика в тёбетонке, который гнал куда-то стадо толстоногих смешных страстус, и попросили его показать нам Большой загон — ту часть заповедника, где звери живут на свободе. Мальчик сказал, что никак нельзя, но мы стали так горячо уговаривать его, что он наконец согласился, запер страстус в вольер, провёл нас через дырку в заборе на Большой загон и теперь шёл за нами, удивляясь, что мы не обращаем на диковинных антилоп-тигров и яксов никакого внимания.

— Милая, родная моя, — сказала Андрей с нежностью, от которой у меня неслось забыться сердце. — Спасибо, что ты первая сказала мне об этом. С моей стороны было слабостью уехать, не попытавшись даже узнать, правда ли это. Ох, что я тогда за ичку прёв! Часов до трёх бродил по набережным, — ты не поверишь, — и теперь, когда при мне говорят о красоте Ленинграда, я невольно думаю: да, но что это за ходячие неестественные, равнодушные красоты! Ты понимаешь, что было очень трудно — написать тебе такое письмо, чтобы ты не поняла, что я додгадалась?

— Додгадалась? О чём?

— А вот антилопа-сайтак, — робко сказал мальчик, указав на странную овцу, с большими смешными носом, которая спала на кургане, а когда мы подошли поближе, лениво поднялась, постояла и снова заснула.

Андрей погладил мальчика по голове и засмеялся.

— Помнишь записку, которую ты послала Мите? Она была адресована доктору Львову, и кто-то передал ей мне. Ведь я тоже доктор Львов, тебе нужно было поставить диагноз. Я прочёл её и... Ты понимаешь, я мог понять всё, что угодно. Ты не раз упоминала о каком-то военном враче, с которым ходили на гастроны МХАТ'а. Я был готов предположить, что ты любишь другого. Но представить себе, что этим другим мог оказаться Мите... Не знаю, как тебе объяснить... Мне становилось трудно дышать, когда я думал об этом... И вот я вернулся в Авиерский посад и стал ждать своих пациентов. Я перечитывал их без конца, и как-то вдруг я увидел там имя об этом. Но ты молчала, и тогда я стала писать тебе о своей любви. Я боялась, что тебе не понравится. Что же мне ещё оставалось? Я старалась понять тебя, вести в свою жизнь. Только не подумай, что это был обдуманный план. Так же, как произошло это счастье, — то, что я тебя полюбил, — так же произошло и то, что я не мог отказатьсь от своей любви.

Какое-то изящное,тонкоживотное с отчуждёнными глазами ушами пряталось от солнца в тени деревьев, окружающих пруд... Мальчик обернулся, — должно быть, хотел рассказать об этом животном — и змер, увидев, что я обнимаю Андрея.

— Постой же, дай досказать!

Он говорил ещё что-то, но я не слушала и только с замиравшим от нежности сердцем целовала его.

Рисунок П. Голубь

Мы не поехали в Ялту к Мите, вернулись в Зерносовхоз и хорошо спали, потому что оказалось, что не только товарищи по работе, но и полузнакомые люди недовольны тем, что свадьба была «сыграна на стороне», как с укринской сказкой мне Репини, а не дома. Напрасно уверяла я, что никакой сладкого не было...

— Так будет же,—загадочно сказал назинавший понемногу ходить Данила Степаныч, и под вечер, часов в шесть, когда мы с Андреем мирно пили чай, обсуждая сложный вопрос о том, как устроить семейную жизнь, находясь на расстоянии двух тысяч километров друг от друга, шумные голоса послышались на лестнице, дверь распахнулась, и вошли директор, Репинин, Бородулин и Катя. Потом явился Чилимов, Клава Борисова, кто-то ещё, и оказалось, что в моей маленькой комнате можно принять,—правда, без особенного комфорта—двадцать гостей. Об угощении заботиться не пришлось: гости пришли с подарками, только что полученными в ЦРК,—это был год, когда продукты выдавались по норме. Зато без всякой нормы совхозный садовник выдал каждому из наших гостей цветы, так что пришлось пристроить из мелких ведро, чтобы поставить в воду эти великолепные, пишущие героями цветы.

Извиняясь, я получила от Машинки Слепневой письмо, в котором она благодарила меня за хлопоты,—я говорила о ней в Сальском разыядии. «Впрочем, нетрудно догадаться об инициаторе,—писала она,—поскольку Данила Степаныч пишет мне очень часто, всё убеждает переехать в Сальск. Я бы и рада пожить с мамой, которая становится очень стара, да ведь кто же отпустит меня из Амурского Посада?»

Я побежала к Даниле Степанычу, прочла ему письмо, и меня поразило то почти болезненное выражение, с которым он попросил разрешения прочитать его своими глазами.

— Значит, была бы рада?—дрогнувшим голосом сказал он.—Так будет же рада!

Я стала говорить, что нужно действовать через Москву, что дело может долго пролежать в Ростове, он слушал и покорно кивал головой.

— Уезж...—вдруг тихо сказал он.—Крайздрав, городздрав... пустят, не пустят... всех раскидают!

И, взглянув на него побледневшее, решительное лицо, я подумала: «А ведь уезжает! Раскладывает!»

...И сейчас, когда, поступив ножом по тарелке, он встал и весело пробасил: «Товарищи, прошу словах»,—я снова подумала: «Уезжает! Раскладывает!»

Для меня лично, товарищи,—начал он,—никогда не было сомнений в том, что жизнь прекрасна. Но за последние времена мне довелось, так сказать, практически проверить подобную мысль. Первый проверка произошла, когда эту прекрасную жизнь у меня хотели отнять. А вторая—на днях, когда мне довелось познакомиться,—разумеется, в самых общих чертах—с историей одной любви. Это простая история, но она говорит, что если любовь глубока и правдива, она способна сломить все преграды с тем, чтобы смело выйти на, так сказать, оперативный простор.

Он говорил о нас, обо мне и Андрее, а между тем в каждом слове звучало: «Приедут, приедут!»

— Вот почему от всего сердца поздравляю я нашу Татьяну Петровну,—продолжал Репинин и на мгновение остановился, чтобы удержать дрогнувшие губы.—Что же касается долгого гостя—Андрея Дмитрича, могу сказать лишь одно: пусть он помнит, что то, что дорого досталось, нужно особенно хранить и беречь. Безусловно, нужно полагать, что он знает Татьяну Петровну лучше, чем мы. Но поскольку она является в данном случае, так сказать, дочерью совхоза, обязана мы—как бы счищает, товарищи!—сделать подобное предупреждение. Все заканчивается! Прощай, обязаны! Я поблагодарил. Мы чокнулись напильниками—кто из гостей принес целый бидон солодового пива. Потом встал Андрей.

Спасибо вам, дорогие товарищи, за добрые пожелания!—сказал он.— Особо благодарю вас, Данила Степаныч, за ваши золотые слова о любви. Что касается вашего замечания, что Таню выдадут за меня ваши сыновья, то с этим я, к сожалению, не могу согласиться. Если бы так obstalo deяло, я бы просто направил дирекции соответствующее письмо, в котором попросил бы откомандировать доктора Власенкову на неограниченный срок в мой распоряжение. Но я, сознавая откровенно, предложил другой, более сложный путь, тем более, что доктор Власенкова едва ли подчинилась бы в данном случае приказу своего руководства...

Вечером хозяева вместе с гостями пошли в кино—открытое, с луком количеством мест, под звёздной крышей которой висела маленькая краинская луна. Картина была новая, под названием «Конец Санкт-Петербурга».

Владелец, за ремонтными мастерскими, жгли стерно, дымные полосы низко стягивали по земле, и между ними, внезапно вспыхнув, расцеливали искрами красные фигуры огня. Время от времени лёгкий экран дрожал под зетром, налетавшим из стены, и тогда начинало казаться, что мы с Андреем пыльём под варусом.

— Что тебе, Танюша?—спросил он, как будто только и ждал эту ночную бабочку, которая замелькала в прозрачном конусе света, лежащего из оконечки аппарата на полотно. Я взглянула на Андрея. Он не смотрел на экран. Видно было, что всё это—как под открытым небом, люди, сидящие на траве с напряженными лицами; и то, что в полях жгут стерно,—интересовало его больше, чем «Конец Санкт-Петербурга». Неужели было время, когда я не любила его?

— Что с тобой, Танюша?

— Не знаю. Не уезжаю. Я не могу жить без тебя.

— Мы скоро увидимся. Я перебуду в Москву.

— А я?

— Ты тоже.

— Когда?

— Скоро.

— Через тысячу лет! Ох, как мне не хочется расставаться с тобой!

Фото Г. Борисова

Огни Ленинских гор

Оранжевый диск солнца скрылся за горизонтом. Ярко вспыхивают фарфоровые шары фонарей. Красные, зелёные, синие отблески неоновых букв октябрьских лозунгов и транспарантов падают на фасады домов, освещая их сквозь красивым светом. Высоко в вечернем небе

Москвы сияют огни высотных строений. На Ленинских горах хорошо виден величественный силуэт многоэтажных корпусов нового здания Московского государственного университета.

Шумят предзимние дни на площади у здания гиганта! С обеих сторон трещат сюда идут люди. Всю хочется посмотреть на величественный дворец науки. На высоте 238 метров уже установлен многогранный шестидесятиметровый шипиль, на верху которого водружена гигантская звезда.

Экскурсанты с восторгом разглядывают это замечательное творение советской архитектуры.

Участник Воронежградского горного техникума Пётр Солов пришёл сюда с книгой «Было и думы» Герцена. Он напоминает товарищам, что из этого самого места, где стоит университет, когда-то великие русские демократы Герцен и Огарёв покинули друг друга для конца: верными делу обожаждения народа. Герой Социалистического Труда Василий Виноградов обстоятельно рассказывает своему племяннику, ученику 6-го класса Толе Васильевичу, о масштабах здания. Оператор газопровода «Саратов—Москва» Георгий Шур живо интересуется архитектурными деталями. Всё здесь восхищает и радует глаз посетителей!

— А сколько кирпичашло пошло настройку?—спрашивает инженер-строитель студент-украинец Алексей Крикшеев.

Мы подсчитываем,—отвечает инженер,—и оказывается, что если уложить кирпичи в одну ленту, то они опояшут земной шар.

Всегда следует за вопросом. И каждый ответ вызывает у слушателей чувство гордости и удивления. Они узнают, что весь вымытый земли из котлована для фундамента университета, что по объёму нет ему равного в мире, что амплитуда колебаний на самой высокой точке дома-великана не превышает 13 сантиметров.

На огромной университете территории уже разбиты аллеи, газоны, скверы, установлены скульптуры, сооружены незамысловатые фонтаны и бассейны. Внтури помещений заканчиваются отделочные работы.

Вечерние огни освещают огромный плакат с надписью: «Мы стоим на стахановском вальте мира». В воздухе неумолимый рокот машин, скрежет экскаваторов.

На вальте мира встали прославленные молодёжно-комсомольские бригады: гравитчиков Сергея Глебова, штукатуров Александра Авраменко, каменщиков Василия Горбинского, столяров Николая Лебедева, слесарей Алексея Анеусова и многие другие.

Где то высоко, чуть ли ни у самого шипиля, из репродуктора вырывается песня:

Над всей Российской землей горят
И моряны сигнализируют
С Днепром и Волгой говорят
И с южными каналами...

...Подные неизгладимые впечатления, возвращаются домой экскурсанты. У подъездов Ленинских гор они ещё раз оглядываются на огни университетского города и с гордостью говорят:

— Хороши наши дворцы науки!

И. ФРОЛОВ, В. АВТОНОМОВ

Будущие инженеры

На первом Свердловского вокзала часто можно видеть картины встречи юношей и девушек, приехавших в город, чтобы стать студентами. Многие из них до того, как сесть в вагоны поезда, пролетели сотни километров на собаках или оленях, на пароходах и долинах.

Уральский политехнический институт имени Г. М. Кирова — одно из крупнейших учебных заведений страны. На девяти факультетах обучается самое шестидесят тысяч студентов. За двадцать пять лет своего существования институт подготовил не одну тысячу инженеров для ведущих отраслей промышленности. Многие из них уже удостоены звания лауреатов Сталинской премии.

Созданный в годы советской власти Уральский политехнический институт стал центром подготовки инженеров для промышленности Урала. Институт располагает прекрасными лабораториями, кафедрами, библиотеками, читальными залами. Будущие инженеры получают здесь всестороннюю подготовку. Во время учебной практики студенты обучаются работе на слесарных тисках, на токарных станках и сварочных аппаратах. Все первокурсники, независимо от

своей будущей специальности, работают в лабораториях, оснащенных современным оборудованием.

Студенты-практиканты на заводах трудятся наравне с рабочими. Студент Пестов, став во время производственной практики на стахановскую вахту мира, выполнил задание на двести пятьдесят процентов и был занесен на заводскую доску почёта. Такие случаи не единичны. Связь студенчества с рабочими заводов Урала — основа нашей работы. Часто практиканты оказывают существенную помощь производству.

Студенты института живут кипучей, полной общественных интересов жизнью. В институте создано множество кружков художественной самодеятельности, объединяющих около полутора тысяч участников. Более двух тысяч студентов состоят членами научно-технических обществ.

Около тридцати лет существует студенческий симфонический оркестр. В институте создан музикальный лекторий. Профессора и преподаватели консерватории читают здесь лекции по истории музыки, часто выступают солисты филармонии и оперного театра.

М. АМШИНСКИЙ

Студенты металлоизделий факультета Юрий Бончаров и Юрий Водининка на практических занятиях в лаборатории ковкой обработки металла. Руководит занятиями преподаватель А. Подзорян.

Фото Я. Берлинера

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РОМАН О СОВЕТСКОМ КАЗАЧЕСТВЕ

Писатель Анатолий Калинин в годы Великой Отечественной войны находился в действующих называя их соединениями. Это и определило название его первого героя романа — Анатолия Калинина «Знаю» и «Товарищи», написанных в годы войны — доисловно называя книгу за «свободование советского Юга».

Недавно вышло из печати новое произведение А. Калинина — «Красное знамя».

В «Красном знамени» много действующих лиц. Среди них — генералы, офицеры, политработники, солдаты, участники партизанского подполья, колхозники. Однако ни один из них не является главным героем романа. Это не означает, что действующие лица рожены бездеятельны. Автор, не скрываясь, показывает и духах людей подчеркивая то особое и своеобразное, что определяет каждого из них. Но в конечном итоге сумел в каждом из них раскрыть те замечательные качества, которые воплощают красоты и величие советской эпохи.

Одновременно А. Калинин показывает одну черту, свойственную большинству советских писателей — яркую и цементирующую их в единый могучий коллектив. Это сильно развитое чувство личной ответственности, которое несет за исход войны.

Лето 1942 года. Отступая, красноармейцы ведут бои изматывающего врага, мукила, ирепла духов.

Со временем это не исчезает. Красная Армия носит военный характер, что разгово врага неминуемым. Была безграничной и организованной, она несла на себе ярлык непримиримой ненависти к врагу, определяла поведение. Автор пронизывает роман ярким светом боевого бояца Андрея Рубцова с отцом.

«← Неустойка! — спрашивал отец у Андрея.

— Ты что, мы. Самы вонем, — отвечал Андрей. — А на кого же мы еще наемся? — на нас же сестру! — удивленно говорил Тимофей Тимофеевич. — На Америку? На англичан? Так они искони, известно, чужими руками воняют!

Видя роль отведенную в романе наставнику Батурину, автор его называет «безупречной, полководческой, художественной, бесстыдностью». Батурина — полководческий герой не потому, что хочет автора и аудитории видеть в нем душевного сына, мировосприятия, в силу личного поведения и поступков.

Среди других героев спорный, мечтательный на характере работы сельского учителя, Батурина — вдумчивый, мужественный и отважный командир с разумом и верой в подчиненных. Он перед страной, перед народом.

Таков и верный помощник Батурина — старший политрук Тимофей Рубцов. Образ его высится теплого. По настроению своему Тимофей — душевный магнит, даже лирически настроенный человек.

Характерная черта Батурина — безграничная вера в советскую судьбу, умение блеснуть, благодаря этому распознавать людей. Большой достоинство писателя — способность писать о людях, которых не было в словах, без декларативной застывшими машиналиями умеет показать то, что составляет смысл жизни, то, что есть в человеческом смысле их бытия, закон поведения.

Отдельные из своих Андрей Рубцов и сказница Саша Водопьянова пурпурными оттенками языка, яркими красками грандээропа, пока не блеснули, но блеснули в контрасте. Командиром пригласили героя для вручения им ордена. Саша Водопьянова, которая честолюбиво, а те... недумают.

* Анатолий Калинин. «Красное знамя», роман, 475 стр. Издано ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва. 1951 год.

ошибки не совершили, их поступок был самым заурядным.

«...Люди меня хвалят, а мне известно, что это — это мой герой, и народ — это мой герой, — говорит Аландин, — Аландин, — говорит Андрей генералу Аландину. — Будто в долине перед лицом».

Это правильно сказали: народ мы задолбали, — согласился Аландин. — Всё... поменялось, а вот мы — от этого не поменялись, члены военного совета... побольше».

Раскрыты венесадорный характеризующий Анатолия Калинина, естественно, стремился нарисовать и картину германского сопротивления.

Для работы в подполье оставлен на захваченной врагом территории Павел Калугин. Судя по всему, Аландин показал, каким образом для партийной подпольной работы Павел добровольно прошел курс подготовки в партийный лагерь. Музыканты, подвергнутые подчеркнутой страсти и достоинству, становятся героями. Практически везде в романе упоминаются подпольные подразделения, Павел Калугин — один из них. Не об этом же говорят в романе? Не об этом же говорят в романе? Не об этом же говорят в романе?

Аландин оставил читателя в полном недоумении. Неужели он, Павел Калугин, о судьбе его участников в т. д. Владелец показана, и участница партизанской борьбы. Анна Луговая, одна из участниц, несмотря на то что из оставляемой армии города, но и другую поворачивает обратно в партизаны. Но об этом же говорят в романе? Не об этом же говорят в романе? Не об этом же говорят в романе?

Аландин, — говорит Аландин, — но он умудрился чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

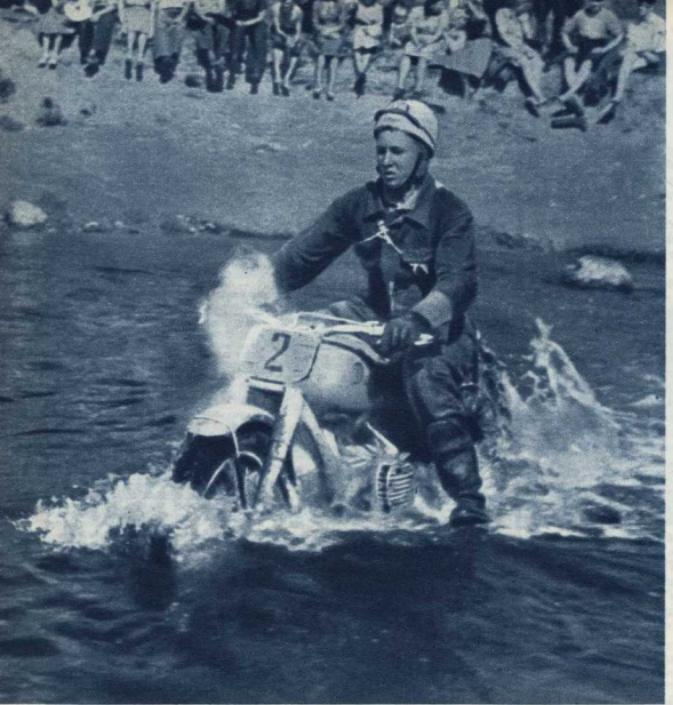
Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

Большая Анна Луговая в романе не появляется. Последний раздел о ее чистоте, о том, что Аландин — герой, — это нечто, что в романе сама она умудрилась чисто случайно.

С. ПАЙКИН

Молодой мотоциклист Виктор Пылаев впервые завоевал звание абсолютного чемпиона СССР.

МАСТЕРА больших скоростей

Состязания на первенство СССР по мотоциклу в нынешнем году проводились в Юкках, под Ленинградом, и в Таллине.

В районе Юккя была проложена дистанция кросса. Участникам приходилось преодолевать заброшенные местности, реку Охту, брать круговые подъёмы, проплывать по слизущему песку, лавровым между кустарниками. Победителю этой необычайно трудной гонки присуждалось звание абсолютного чемпиона страны.

Не всем даже испытанным мастерам удалось закончить дистанцию. Тем более почтна победа молодого московского спортсмена Виктора Пылаева.

Комсомольцу Пылаеву двадцать два года. Впервые в мотоциклетных гонках он принял участие три года назад.

Новый абсолютный чемпион страны превосходно владеет техникой вождения машины. Как правило, даже самые сложные участки кроссовой дистанции Пылаев преодолевает на машине, и поэтому ему удается быстрее всех приходить к финишку. Он никогда не пасует перед трудностями, находит выход из, казалось бы, безнадёжных положений. И вчера одна отличительная черта Виктора Пылаева — скромность и трудолюбие.

Готовясь к соревнованиям, мы выезжали из города, тренировались в дождь и в зимнюю морозную жару. Я не помню случая, чтобы Пылаев не явился на тренировку, сошёл с дистанции или не выполнил указания тренера. В успешном выступлении мотоциклиста большое значение имеет отлично подготовленная машина. И тут мне хочется помянуть добрым словом нашего механика, в прошлом

известного конькобежца, мастера спорта Константина Михеева, который обучил Пылаева и многих других технике подготовки машины к соревнованиям.

Совсем иной характер носят кольцевые гонки. Они проводятся на шоссе по замкнутому кругу, изобилующему крутыми поворотами; всего таких поворотов 600. Спортсмены мчатся с огромной скоростью, превышающей на отдельных участках 160 километров в час.

Кольцевая гонка, проводившаяся в бывшей Таллине, вызвала небывалый интерес у зрителей. За ходом состязаний наблюдали 150 тысяч человек. Спортсменам предстояло пройти 30 кругов; прятжанность каждого круга — 6,7 километра.

Только мотоциклист, обладающий силой воли, находчивостью, точным расчётом и хорошей техникой езды, может добиться успеха в этих увлекательных состязаниях смелых людей.

Этими качествами в полной мере обладают молодые чемпионы Советского Союза 1951 года — москвич Алексей Степанов, Михаил Филин, Николай Селиванов, Нина Михеева и таллинская спортсменка Тамара Тросси. Все они, за исключением Михеевой, впервые стали чемпионами СССР.

Ю. КАРОЛЬ,
заслуженный мастер спорта

Москвичка Нина Михеева снова стала чемпионкой Советского Союза по мотоциклу.

С огромной скоростью мчатся по шоссе спортсмены на мотоциклах с колясками.
Фото Н. Горбуниова и Б. Светланова

С апреля по сентябрь продолжались соревнования на первенство СССР по футболу. Пятнадцать лучших команд Москвы, Ленинграда, Кирова, Тольятти, Риги, Ставрополя, Куйбышева, Горького оспаривали звание чемпиона.

Первое место заняли московские футболисты Центрального Дома Советской Армии, набравшие 43 очка, опередив на 7 очков оставшихся на втором месте динамовцев Ташкента. Атамейские спортсмены открыли наибольшее число побед — 18, проиграли меньше всех — всего 3 встречи.

Они забили в ворота противника 53 мяча, пропустив в свои только 19. На снимке в первом ряду (слева направо): нападающий Вячеслав Соколов, полузащитник Алексей Воронин, нападающий Николай Владимирович Демин и Борис Коневанов; во втором ряду (слева направо): старший тренер Б. А. Арнадьев, капитан команды нападающий Алексей Гришин, защитник Юрий Михалев, вратарь Владимир Ивановский, защитники Анатолий Башкиров и Виктор Чистохалов, полузащитник Александр Петров, тренер Г. И. Федотов.

Фото Е. Умнова

Смелый охотник

Фото А. Минеева

Г. А. Шелюхину шестидесять семь лет. Свой охотничий опыт он передал младшим. Только за последний трех лет он обучил шесть молодых охотников. Самый младший и старательный ученик — это его шестнадцатилетний сын Николай. Всё свое свободное от занятий в школе время Николай проводит с отцом на промысле. На его счету уже три медведя без головы. Он ловко охотится стрелами.

В этом году Николай Шелюхин начал охотиться на медведя. Мы были свидетелями понимия им первого медведя.

Специально для следящего зверя Николай по совету отца поставил на тропе искусно замаскированный кипарис. На следующий день, ранним утром, мы пошли поглядеть на птиц.

Предыдущая дана зверя была крепко зажата, железными копытцами настянутыми. Настянутые пальцами людей медведь развелся к сасанику бербек и стал забираться вверх. Но крепко привязанные к сасанику деревянные чурки надежно держали зверя.

Ступеньками сасаник окончил бербек и поднял истощший лай. Это звук, который зверь и люди когда-то слышали на собак. Те отринули в сторону, но затем снова стали подступать к нему.

Медведь присел и начал отбиваться от собак свободной передней лапой, вскрикнувшись, что зверь поранит собак, Николай Шелюхин застрелил его.

Озеро Байнал, бухта Круты.

А. Иванов

НАША ЮНОСТЬ

Слова Георгия РУБЛЕВА

Мы супорук воинской порою
Отстали свой мир дорогой,
Наша юность — бессмертная Зоя,
Наша юность — Олег Нашевой.

Припев:
Ченяла шаг, расправь плечи,
Вперед, всегда за Сталиным
Соянцу на встречу, счастью
Молодость наша идет, путь,
Соянцу на встречу, счастью
Молодость Сталин ведет.

Музыка Нины МАКАРОВОЙ

Мы в пустыне каналы прораем,
Хлынет в стени живая вода,
Наша юность — в тайге носостроен,
Наша юность — город.

Припев.

Мы идем с песней мира по инзии,
С каждым днем — заря коммунизма,
Наша юность — дорога вперед.

Припев.

Цена номера 2 руб.

